

ТАТЬЯНА НИЛЬСЕН

Чарующая бесполезность

современный детектив

Татьяна Нильсен

Чарующая бесполезность

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Нильсен Т.

Чарующая бесполезность / Т. Нильсен — «ЛитРес: Самиздат», 2017

ISBN 978-5-532-98756-2

В частном особняке во Франции обнаружен труп беглого российского олигарха. Через некоторое время в Санкт-Петербурге на вечеринке в доме крупного бизнесмена от отравления скончалась женщина. В том и другом случае фигурирует одна деталь - игральная карта. Выяснилось, что эти люди никак не связаны между собой, а хозяин дома утверждает, что убить хотели именно его. Вскоре убийства продолжаются, а на месте преступления полицейские опять же находят игральную карту. Третья книга из расследований следователя Сергея Шапошникова.

ISBN 978-5-532-98756-2

© Нильсен Т., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	24
Глава 4	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Татьяна Нильсен

Чарующая бесполезность

Глава 1

Сердце ухнуло в пятки, руки задрожали, ноги перестали держать. Он нервным жестом придвинул глубокое кресло и бессильно опустился, чувствуя, как под тяжестью тела выходит воздух из кожаной обивки. Мужчина всегда переживал, что вес далеко перевалил за норматив, но сейчас не это взбудоражило и напугало. Он получил то, чего так боялся. Первый раз в жизни в душу заполз безнадежный страх. Несколько лет тому назад ему пришлось мужественно перенести известие о том, что в организме появилось тяжелейшее раковое заболевание. Через моменты паники, отчаяния и безысходности помогла двигаться вера в силу жизни, которая всегда присутствовала в его душе, даже если эта вера находилась глубоко в недрах сознания. Пришлось перенести несколько операций, курс интенсивной химиотерапии, он боролся за свою жизнь, карабкался изо всех сил и знал, что победит. Вскоре выпали волосы, серая, тонкая кожа облепила худое тело, его выворачивало и корёжило от каждого следующего приёма яда, который убивал не только раковую опухоль, но и весь организм. Но он прошёл через этот ад и, казалось, что для страха уже никогда не будет причин. Началась новая жизнь аккуратная, осторожная, без стрессов как хороших, так и плохих. Ему не хотелось смотреть фильмы, в которых убивают, он отключал криминальную хронику по телевизору, прекратил читать в газетах почти всё, кроме новостей спорта, да и те уже не радовали после жуткого, допингового скандала. Он научился готовить кексы с изюмом, разводить петунии в саду и даже провёл в Японии некоторое время, чтобы взять уроки по разведению карликовых растений- бонсай. Работу он, естественно, не оставил, но уже не рвал рубаху в трудовом порыве, оставил за себя надёжных людей, знал на кого можно положиться. И вот сейчас стало абсолютно точно понятно, что от судьбы уйти не получится. Скоро за ним придёт смерть. Вечером, когда он остался один в доме, кто-то позвонил в дверь. На столе в кабинете лежали бумаги, которые нуждались в подписи. Не хотелось отрываться от работы, да и лень спускаться со второго этажа, тем более незваные гости не приветствовались, а по телефону его никто не предупреждал о визите. Но звонки больше не повторились. Через несколько минут, засунув ноги в уютные тапки и ворча непонятно на кого, он всё-таки доплёлся до парадного входа. Открыв дверь, не сразу понял, кто же пожелал нарушить покой, и когда опустил глаза, то на мраморном крыльце увидел то, что холодом обдало тело. Он опустился и поднял всего лишь одну игральную карту, потом вдруг распрямился и брезгливо отбросил картонный квадрат. Это оказался лишь пиковый валет, а для него символ неминуемой смерти. Мужчина заскочил в дом, как ошпаренный, лихорадочно запер за собой замок и обессиленно прислонился спиной к двери. Немного переведя дух, он зашёл в огромный холл и плюхнулся в кресло, потом подвинул к себе телефон и набрал номер. В эту минуту ему необходимо было услышать хоть чей-нибудь живой голос.

– Марина привет.

– Привет. Что голос такой? Ты не заболел?

– Нет, всё в порядке, – мужчина перевёл дух. – Ты можешь ко мне сейчас приехать?

– Извини Эдик, я очень занята. Надо закончить статью, редактор все телефоны порвал.

– Да, не извиняйся. А завтра на обед приедешь? Ты, кстати, не забыла про обед?

Повисла пауза. Эдуард покачал головой:

– Так и знал, что забудешь. Напоминаю – завтра в шесть часов у меня. Приедут компаньоны с жёнами, пасынок с невесткой, моя бывшая, Светлана с очередным воздыхателем.

– Ну как же без неё, – язвительно вставила Марина и добавила. – Конечно, я завтра буду. Твоя домработница справится или приехать пораньше, чтобы помочь?

– Думаю, Евгения Степановна всё успеет, да и официанта из ресторана наняли на помощь.

Марина на том конце провода усмехнулась:

– Всё у тебя с ног на голову. Вокруг деловые, богатейшие, известнейшие люди города, а все Павлики, Васьки, Петьки, а вот домработница Евгения Степановна.

Эдуард засмеялся, его отпустил испуг, и он расслабился.

– С самого начала повелось для того, чтобы она дистанцию чувствовала, а дистанцированным оказался я, – он махнул рукой. – Да, не важно, главное готовит хорошо, убирает тщательно, не ворует и нос свой не суёт в чужие дела.

Повисла пауза, и Марина вдруг почувствовала его волнение.

– Послушай, а может, ты ко мне приедешь? Потом поужинаем вместе.

– Нет, спасибо. Если я появлюсь, то не дам тебе работать. Но завтра, когда все уйдут, я бы хотел серьёзно поговорить.

– Интригующе, – хихикнула женщина. – Уж не замуж ли ты меня решил позвать после стольких лет?

– Может и замуж, – подыграл ей мужчина и посерьёзнел. – Это очень важно, а доверять я могу только тебе.

– Надеюсь, это важное терпит?

– Хочется верить, что да. Целую.

Мужчина отключился, чтобы Марина не начала выпытывать, о чём он хотел поговорить. Дом опять погрузился в тишину, и прежний страх снова заполз за шиворот. Эдуард передёрнулся и огляделся вокруг – все вещи стояли на своих местах. Элегантные, итальянские кресла с шёлковой обивкой, такие же диванчики, низкий кофейный столик, еле слышно тикали замысловатые, каминные часы в стиле рококо, обрамлённые порхающими ангелочками. Огромные окна чуть прикрывали тяжёлые, испанские портьеры, а за ними от ветра колыхались пальмы в кадках, которые на лето выносили во двор из зимнего сада. Все казалось привычным и покойным, но Эдуард понимал, что спрятаться невозможно, даже если он убежит на край света. Смерть обязательно найдёт! Он некстати вспомнил старый анекдот о том, как мужик на звонок открыл дверь и увидел маленькую, жёлтую, неказистую старушку с косой, в чёрном плаще. Дядька оторопел и горестно воскликнул:

– Ах, какая нелепая смерть!

А старуха, отодвинула ошалелого мужика костлявой ручонкой в сторону и, направляясь в квартиру, прошепелявила:

– Я не за тобой, я за твоей канарейкой.

«Может и сейчас получится как-то обмануть судьбу?» – подумал мужчина, но пока страх парализовал, и он никак не мог решить, какие шаги предпринять дальше.

Эдуард Аркадьевич Гульбанкин родился в простой, среднестатистической, рабоче-интеллигентной семье. Мать учительница начальных классов, а отец тракторист в ЖЭК-е. Если мать, в их небольшом, сибирском посёлке, величали по имени и отчеству Мария Александровна, то выпивоху папашу кликали, как правило, просто Аркашкой или Аркашкой-промокашкой, потому что в него легко впитывалась любая жидкость с повышенным градусом. В принципе отец был хорошим человеком, ни мать, ни сын не слышали от него ругательств, а уж тем более, чтобы батя поднял на кого-нибудь руку, такого отродясь не случалось. Просто человек он, по сути, был мягким и податливым для его востребованной профессии. В посёлке не имел приусадебный участок может только конченный забулдыга или инвалид первой группы, остальные же сажали картошку гектарами. Почти каждая семья держала в стайке или сараюшке

свиночку, телка или десяток кур, и скотину надо было чем-то кормить суровыми, сибирскими зимами. А весной и осенью самый лучший друг это тракторист. Мало того, что Аркашка положенную смену отработает, так потом дотемна усердно вспахивает частные угодья. Да что говорить, в нём нуждались круглый год – кому, что доставить по бездорожью или вывезти урожай с поля. Помимо зарплаты в отцовских карманах денежки водились, но благодарные поселковцы обижались, если тракторист не сядет с ними за стол и не обмоет урожай или покупку нового холодильника. Частенько папка еле доходил до дома и валился без чувств, вымазанный в мазуте и пропахший керосином. Мать посматривала на порог, где стояли стоптанные кирзачи и ухмылялась:

– Где бы ни набрался, а домой всё равно идёт. Сапоги дорогу знают.

Они с матерью обшаривали карманы замасленной куртки, доставая оттуда смятые купюры. Потом аккуратно складывали под стопку постельного белья в шкафу – копили на новый диван. Уже став взрослым он глубоко недоумевал, кто же надоумил родителей дать именно это имя ребёнку. Ну, Аркашка Гульбанкин ещё можно понять, а вот за какие заслуги им с матерью присвоилась такая говорящая фамилия? Мать вечерами, и по выходным, в знак солидарности с отцом, соответствовала «почётной фамилии» Гульбанкина. Ведь выбрала она мужа добровольно, по любви! А вот Эдька, начиная с осознанного возраста, сердился из-за насмешек школьных товарищей, но понимал, что не в силах ничего изменить до определённого возраста, во всяком случае, пока проживает со старшим Гульбаниным под одной крышей в небольшом посёлке. По паспорту ни мать, ни отец родственников еврейской или западноевропейской национальности не имели и, похоже, имя мальчику дали из чистого выпендрёжа. Ну, назвали бы Ванькой, Сашкой, Юркой, Витькой, как всех нормальных его дружанов, ан, нет, только Эдуард! Мальчик с детства не переваривал Вадиков, Мариков, Веников и, конечно же, Эдиков. Только со временем понял младший Гульбанкин, что он стал тем, кем мечтал, наверное, во многом благодаря звучному, интеллигентному имени. Как-то в одной книжке он наткнулся на значение имени Эдуард, которое происходило от древне – германских языков и означало страж богатства, а дальнейшее пояснение вовсе засело в голове:

«У Эдуарда всегда два лица, особенно, когда ему выгодно. Он может быть подчёркнуто вежливым, искренним и щедрым. А вот когда ситуация меняется, возникает другой человек – жестокий и расчётливый. А чтобы быть таким ловким «хамелеоном», нужен изворотливый ум, именно как у Эдика».

Гульбанкин понял, что если сейчас он не очень соответствует определению, то в дальнейшем добьётся полного подобия. Даже в каком-то смысле он этого достиг, но воспитание не позволило ему превратиться в полного эгоиста и циника. Однако став взрослее Эдька постепенно осознал, что все свои реквизиты оставит без изменения, но, ни за что не повторит судьбу отца, который тихо спился, не успев получить первую пенсию и, ни за что не позволит насмеяться над своей фамилией, пусть даже такой нелепой. Но не сразу Эдик выполнил своё обещание. В институте пищевой промышленности, где он отучился пять лет с трудом, потому что они с матерью сводили концы с концами еле-еле, над ним, конечно же, шутили. Однотруппники давали ехидные и смешные погоняла типа Запиванкин, Ухлебанкин, Пьянчужкин. Некоторые преподаватели тоже пользовались случаем блеснуть остроумием перед всей группой, и если он опаздывал или пропускал лекцию, отпускали язвительные замечания типа того, что студент, вероятно, отработывал свою фамилию, в каком-нибудь пивбаре или с таким-то паспортом везде налыют и даже закуску предложат. На самом деле особенно над Эдуардом никто не насмеялся, он никогда не являлся центром шуток – в группе хватало над чем и над кем порвать бока, но если это происходило, парень злился до красноты в глазах и надолго запоминал юмориста, однако хватало благоразумия подавлять в себе вспышки гнева и не вступать в конфликты особенно с преподавателями. Учился он легко, тяжело было материально. Тогда о коммерческом обучении и речи не велось, только бюджет дневное отделение, заочное или вечернее. Хватит

ума или блата, то станешь интеллигентным человеком, нет, так шагай профессионально-техническое училище, в лучшем случае в техникум. У Эдуарда оказалось достаточно ума поступить в ВУЗ, обладая собственными знаниями. Первый год выдался самым тяжёлым во всех отношениях, а дальше, как по маслу, ночами разгружал ящики на сортировочной станции, днём, если удавалось, дремал на лекциях, делая вид, что старательно записывает за преподавателем. Но однажды всё-таки организм не выдержал и настолько расслабился, что Эдку во сне потянуло в бок, и он завалился на пол безвольным тюфяком на глазах у всей аудитории. Конечно, все опять ржали и шутили по поводу его фамилии, но такой реакции, как прежде у парня на наблюдалось – ему было плевать на издёвки, потому что через каких-то три месяца диплом окажется в кармане и начнётся другая жизнь, а планы на эту жизнь Гульбанкин имел грандиозные. Получив диплом, Эдик вернулся в посёлок, в котором родился и провёл беззаботную юность, попроведал могилку отца, поцеловал родительницу и уехал. Больше его в посёлке никто никогда не видел. Только мать хвасталась соседям и подругам, что сын обосновался в каком-то крупном городе – то ли в Москве, то ли в Санкт-Петербурге и стал большим человеком, насколько большим никто так и не понял, пожилая женщина путалась, и каждый раз рассказывала новую историю. В посёлке Марии Александровне верили, слушали её рассказы с интересом, знали, что обманывать и фантазировать не станет, ещё потому что в магазине женщина рассчитывалась крупными купюрами, а пенсию почтальон приносил десятками, значит, и правда сын в достатке живёт и матери помогает. То, что рассказывала мать оказалось правдой – Эдка работал, как волчара сначала технологом на молокозаводе в Москве, потом перебрался в Питер на должность управляющего в крупный концерн по производству мясо-молочной продукции. Без его участия не прошло приватизационное время, Эдуард находился в числе тех, кто оказался у самого пирога, а не у тех крошек, которые случайно просыпались на пол. Гульбанкин за короткое время сколотил себе состояние, а для таких мутных дел время было самое подходящее. Страну грабили и дербанили под видом приватизации все, кто имел хоть маломальский подход к кормушке. Народ нищал, терял работу, перебивался с копейки на копейку, а Эдуард Аркадьевич всегда мог договориться со своей совестью, тем более что совершенно ясно понимал, если не возьмёт рука Гульбанкина, то кусок достанется другому, более приткому и хваткому. В какой-то момент молочные реки с кисельными берегами стали принадлежать ему и ещё двум таким же предприимчивым партнёрам в галстуках от Хуго Босса. Концерн по производству мясомолочной продукции получил амбициозное название «Сливочное царство». Как только он перебрался из Москвы в Санкт-Петербург, то сразу женился на женщине состоятельной во всех отношениях. Эдик не собирался нянчиться с малолеткой, дарить цветы и ходить с ней на новомодные фильмы. Он делал карьеру и не имел ни желаний, ни времени на всякую ерунду. На одной вечеринке у общих знакомых они встретились, провели вместе ночь, а вскоре он переехал к ней жить. Светлана к тому времени уже дважды была замужем, имела сына Петю семи лет, квартиру в центре города, шикарный автомобиль, дачу на берегу Финского залива, престижную работу и привлекательную внешность. Гульбанкин прикинул, что грех не воспользоваться такой удачей, которая идёт сама в руки и сделал Светлане предложение. Эдика совсем не смущало, что женщина старше его почти на десять лет. Светочка называла его Эдичка, и от этого гульбанкинское нутро выворачивалось наизнанку. Как-то он наполовину ознакомился с лимоновским «шедевром» «Это я – Эдичка» от которого остался такой гадкий осадок, что он долго плевался, а потом выкинул дрянную литературу в помойку, сожалея, что потратил на чтение время. Он недоумевал, как можно написать такую сомнительную литературу, но удивлялся ещё больше тому, как можно опубликовать и продать это чтиво огромными тиражами. Еле сдерживаясь, чтобы не сорваться на крик, он просил её:

– Ты можешь называть меня зайкой, душкой, котиком, ежиком, козликком, да хоть всеми знакомыми зверушками, но только не Эдичкой! – и рот Гульбанкина кривился, когда он произносил своё же имя.

Светочка дулась на него и даже пыталась хранить гордое, обиженное молчание, но её хватало буквально на два часа. Женщину интересовала литература лишь в журналах «Гламур» и «Космополитен», поэтому она не понимала причины раздражения мужа, а он и не пытался что-то объяснить, считал это утомительным и совершенно ненужным. Однако невзирая на лёгкий характер жены, брак этот просуществовал недолго – около пяти лет, вскоре они расстались, но сохранили хорошие, дружеские отношения. Больше Эдуард не женился, хотя имел целый шлейф поклонниц разного возраста, которые хотели захомутать завидного жениха. Кому-то нужен был состоятельный спонсор, кому-то импонировала деловая хватка мужчины, а некоторые желали слить капиталы в одну широкую реку богатства. Гульбанкина уважали и побаивались. Друзей он особенно не заводил, а партнёров по бизнесу держал на расстоянии от своей личной жизни, считал, что смешивать личное и деловое не то что не обязательно, но и вредно. Он имел шикарный особняк в пригороде Санкт-Петербурга, весьма приличный счёт в банке и бизнес, от которого после болезни Эдуард Аркадьевич отошёл, но держал, так сказать, руку на пульсе. У него имелась тайная страсть с давнишних пор. Он был игрок. Гульбанкину не нравились казино, большое скопление народа, огромные залы, крупные и стоящие за спиной наблюдатели. Он предпочитал игру камерную с небольшим количеством игроков, нравилось напряжение до дрожи в пальцах, табачный дым, висящий над столом. Он был невероятно азартен, и в то же время мог обуздать свою страсть. Гульбанкин верил в приметы, был суверен и по примеру Германа из «Пиковой дамы» знал, что увлечьшись, можно проиграть всё, не только состояние, но и душу. Эдуард сам не понимал, откуда это у него, но он очень чутко чувствовал партнёров, наверное, поэтому ему везло в картах. Эдик догадывался, что это не только от простого везения. Каким-то мистическим образом в нём жил дух его деда. Мать рассказала эту историю только тогда, когда Гульбанкин окончил институт и приехал попрощаться перед большой жизнью. Он не был уверен, что когда-нибудь вернётся в этот маленький посёлок, в квартиру, где родился и вырос, у него имелись далеко идущие, реальные планы, и он с недоверием отнёсся к семейному преданию. Тогда Эдик ещё был идеалистом, и его не обуревали порочные желания и фантазии, но слушал мать он с большим интересом.

Родилась Мария Александровна в Алтайском крае, в многодетной семье лет за десять до войны. Жили они в сибирской деревне состоятельно по тем временам, и не потому что отец работал в колхозе бухгалтером, а потому что каждый член семьи с самого детства приучен был к труду. Они имели свой дом, скотину, огород, корову, которая давала молоко и даже лошадь. И вот перед самой войной, кто-то из односельчан, позавидовав на чужое добро, написал на бухгалтера донос и отнёс в милицию, а может и в органы выше. Время было тревожное и правду в таких навозных доносах НКВДшники не искали – смотрели по факту. А именно по тому факту получалось, что уж коли бухгалтер, то обязательно и в свой карман положит, а значит, Советскую власть обворовывает, недаром дом добротный, дети обутые, накормленные, и даже корова с лошастью в стойке топчутся. А иметь лошадь в ту пору, что иметь машину «Жигули» во времена СССР. Так без лишних выяснений забрали бухгалтера и осудили на шесть лет. Как не доказывал свою честность мужик, как не бил себя в грудь мозолистым кулаком, как не рыдал от жалости к жене и ребятишкам, которые остаются на произвол судьбы в пустой хате, никто его и слушать не желал. Дом оставили, а скотину всю угнали в колхозное стойло. Когда мать рассказывала эту драму, то плакала и недоумевала, что же было бы лучше – то ли отца посадили, то ли забрали на фронт, однако оказаться в шкуре врага народа страшное дело. Если отец враг народа, то его семья автоматически превращается в таких же врагов, и никто не думал, что они и есть этот же народ – несчастная полуграмотная женщина и пятеро голодных ребятишек. Тем временем отец попал на зону там же в Сибири, где валили лес, и, правда, не в Воркуту же его отправлять и не Беломор канал. То есть где родился, там и пригодился. Вскоре пришло страшное время войны, и почти весь колхозный урожай отправлялся на фронт. Никто не сетовал, дело святое, но что же делать с малыми, которые ютились возле холодной

печи и смотрели огромными, голодными глазами? Самое удивительное состояло в том, что пока мать с ребятишками рыли ночами в колхозном поле замёрзшую, гнилую картошку, чтобы хоть как-то прокормиться, её муж пристроился в зоновскую столовку, потому что из сотни других умел считать, писать и не являлся уголовником, а приравнивался к политическим, то есть идейным. Вот так у печи, в тепле он провёл всю войну. Так сам отец думал, но на самом деле зек в лагере хоть в столовке, хоть на лесоповале, остаётся зеком с каторжными условиями жизни. Просился, конечно, на фронт, на передовую, но куда там, оказалось, что у урки приклатнённого шансов кровью искупить свою вину больше было, чем у того, кто замахнулся на Советскую власть. Только вины за собой отец никакой не чувствовал и просился у лагерного начальства на войну, потому что считал своим долгом не баланду для зеков кашеварить, а жену с детьми защищать. Но судьба распорядилась иначе – вышел он на свободу через год после окончания войны. Шесть лет даром для него не прошли – нет, он наколок блатных себе не натыкал, жаргонизмами не обзавёлся в лексиконе, зато смог приготовить похлёбку, да хоть из топора и играть в карты. Об этом пункте в жизни отца Мария Александровна толком ничего не знала до поры до времени, а он оказался немногословен и особенно не распространялся ни о зоне, ни о житие в лагерных бараках, ни о своих соратниках по лесоповалу. Мать уже тяжело болела, когда на радость всей семье отец вернулся с тощей котомкой за плечами. Шесть лет долгий срок, дети выросли, и старшие готовы были к самостоятельной жизни. Мать скоро угасла, как будто держалась из последних сил, дожидаясь мужа. Старшие разъехались, кто, куда и осталась отец, Мария – девка на выданье, да младшая сестра у которой случился родимчик вскоре после рождения, и за ней необходим был постоянный присмотр. Бывшему заключённому в деревне занятия не нашлось, то есть работа-то имелась, да только не дали бы нормальной жизни односельчане, всё время бы пребывал под подозрением. А тут братка письмо прислал из соседней области, мол, закладываются комсомольские стройки, открываются шахты, строятся посёлки, рабочие руки нужны и даже можно угол в общежитии без проблем занять. Лишь один вечер кумекали на семейном совете дочь да отец, а через неделю, продав за гроши обветшавший дом, отправились в дорогу. В посёлке, куда они прибыли стройка и впрямь просто бурлила. Со всей страны съезжался народ в Сибирь за лучшей жизнью. Устроились неплохо – отец пошёл плотничать в строительную группу, а Мария училась в техникуме заочно и приглядывала за больной сестрой. И поселковое начальство выделило им не только захудалый угол в общежитии, а целую комнату в коммунальной квартире на последнем, третьем этаже. Через пару лет соседи получили отдельную квартиру, и они остались полноправными хозяевами на всей жилплощади. Вскоре Мария выучилась и определилась на работу в школу учителем начальных классов. Больную сестру пришлось отправить под опеку врачей в психиатрическую лечебницу. Мария горько плакала от того, что приходится отдавать родного человека в скорбный дом, но одну её оставлять не представлялось возможным – два раза она поджигала дом и несколько раз топила нижние этажи, оставляя открытыми краны на кухне. Вот тогда-то и проявились скрытые интересы отца. Мария Александровна работала целыми днями, а вечерами дружила с Аркадием, который по комсомольской путёвке приехал из Курской области строить посёлок в далёкую Сибирь. Отец к тому времени пошёл на пенсию и время проводил предоставленный самому себе. Вот тогда до Марии начали доходить слухи, что к отцу навешиваются странные, если не сказать хуже, личности для игры в карты. И что самое ужасное у него появились деньги. Женщина часто находила следы присутствия посторонних людей в квартире. Иногда пахло тяжёлым табаком, свежевывмытые кружки неубранные стояли на столе и очень быстро заканчивался чай с сахаром. Она спрашивала о гостях, но отец лишь махал рукой, мол, ерунда всё, пустое и говорить не о чем. Маша пожимала плечами, но не дотошничала – к старшим в то время относились с большим уважением, она отца до последнего дня на Вы величала. Однажды Мария наводила в квартире генеральную уборку и залезла в дальний угол кладовки с тряпкой, вот там и обнаружила коробку из-под обуви забитую деньгами, золотыми украшениями

ями и часами. Она невероятно испугалась, оставила всё на прежнем месте, заперла кладовку и уселась в глубоком раздумье. В посёлке проживал люд простой, рабоче-крестьянский и если даже отец промышлял игрой, то деньги он мог и выиграть, а вот такие ювелирные украшения маловероятно. Ничего не стала спрашивать девушка у отца, решила оставить всё как есть, но вознамерилась приглядеть за ним. Несколько раз она видела, что к нему приезжали из города приятели – так он их называл, а по виду это были прибалтнѐнные фраера с синими наколками на руках, встречались и интеллигентного вида мужчины, в очках и шляпах. Сначала они пили пиво в забегаловке рядом с автобусной остановкой, потом куда-то удалялись, иногда, когда Мария была на работе, гужевались в их квартире, это она ощущала по горькому, табачному запаху в большой комнате, где стоял круглый, деревянный стол, покрытый белой скатертью. Неизвестно что бы было дальше, но финал этой истории оказался предопределѐн. Наступил месяц май. Наверное, ни один народ в мире не любит этот месяц, как любят его русские. Первого, после демонстрации, Аркадий с Марией отправились на гулянку в большую компанию, вернулись уже поздно вечером изрядно навеселе. А почему бы и нет? С первого по третье мая объявлены государственные выходные. Будущий муж Марии с удовольствием в уме прикидывал, что на утро у него припасены парочка бутылок «Жигулѐвского» пива. К тому времени Аркаша частенько оставался у них ночевать, потому что твёрдо намерен был жениться, да и в двухкомнатной квартире рядом с отцом невесты особо не забалуешь. К удивлению Марии дверь в квартиру оказалась не заперта, но она не насторожилась, может отец в честь праздника отправился к соседям, такое случалось. Но он оказался дома. Когда возбуждѐнные ввалились в коридор и включили свет, Маша зажала рукой рот чтобы не закричать. Из прихожей в распахнутые двери комнаты упал свет, и они замерли в ступоре и стояли, не шевелясь несколько секунд, не зная, что предпринять. Тело отца лежало вытянувшись на полу вдоль кровати, а голова нависла над туловищем, привязанная за шею верѐвкой. Уже синий язык вывалился из безвольного рта, руки плетью смиренно покоились на плетѐном половичке. Уже потом милиция особенно ничего не расследовала, лишь опросила соседей, бывших товарищей по работе, односельчан и выяснила то, что покойник имел криминальное прошлое и сомнительное настоящее, характер скрытный и нелюдимый. Выводы сделали быстро – повесился старик самостоятельно. Привязал бельевую верѐвку к дужке кровати и расслабился на коврике, вот под весом своего тела удавка и затянулась. А тут уж и бесы подскочили, помогли петле затянуться потуже. Мария Андреевна в это не верила, не мог отец такое сотворить с собой. В тот роковое утро, когда она убегала нарядная на демонстрацию, он радостно махнул ей рукой с балкона и крикнул, чтобы не задерживалась на гулянке, и чтобы за Аркашкой приглядывала, а то накопается, придётся здорового оленя на себе тащить. Она доказывала в милиции, что на затылке нащупала огромную шишку. Так может кто-то ударил старика сначала, а потом в петлю затянул? Но упрямый участковый вздыбился, навис над ней и спросил, прищурив глазки:

– Так ты что не веришь органам? Советской милиции у тебя доверия нет? Твой папаша за вредительство советской власти шесть лет на каторге оттрубил, и ты туда же хочешь? Смотри мне, быстро определяю!

Заплакала Мария и выскочила из участка вон, поняла тогда, что правды не добьѐтся, лишь хуже и себе и Аркашке сделает. Так без застолья и свадьбы расписались в поселковом совете по-тихому и продолжили жить, не привлекая внимания. Только Мария часто перебирала детали того позднего вечера, когда они обнаружили отца. Тогда всё внимание было приковано к телу, но она пыталась отстраниться и вспомнить детали. В памяти всплыло, что в квартире витал запах табака, швейная машинка из угла переместилась к балкону, дверь в кладовку приоткрыта, хотя её всегда запирали на шпингалет вверх. Мария поняла, что отец привѐл в дом игроков, зная, что её с женихом не будет до вечера. Потом что-то случилось и старика ударили по голове, он лишился сознания и в это время на шею накинута удавка. В квартире что-то искали. Со всеми этими событиями, она совсем забыла про коробку, которую когда-то

находила в кладовке. Мария вытряхнула из кошелька мелочь и отправила мужа в магазин за хлебом. Как только за ним закрылась дверь, Маша кинулась в темнушку, лихорадочно перерыла каждый угол, но коробки там не обнаружила. Утром Мария Александровна пришла в школу и доверительно сообщила директору, что у неё приём у доктора – похоже на то, что у них, возможно, будет ребёнок. Тогда к врачу можно было попасть только отсидев живую очередь, поэтому сердобольная руководительница отпустила учителя начальных классов, на всякий случай, на целый день. Мария вернулась в квартиру, заперла дверь и тщательно обшарила каждый угол, но безрезультатно, потом села на кухне и прикинула: тот, кто убил её отца, вероятно, и забрал деньги. Но зачем было вешать старика? По шишке на голове было понятно, что его ударили по голове чем-то тяжёлым, так вот пока он лежал в отключке, можно было забрать коробку и удалиться. Всё равно старик бы не побежал в милицию писать заявление о пропаже криминальных денег. А может этот кто-то не хотел, чтобы отец рассказал своим друзьям о том, кто украл деньги? У Марии голова пошла кругом, ей стало ясно, что в квартире ничего нет, да и что она хотела найти? Записку с именем убийцы, улики, оставленные на месте преступления? Она пришла на кухню и уселась на тяжёлую табуретку, сколоченную отцом. Её взгляд упал на гвоздь в косяке, на котором висел ржавый ключ от чердака. На лестничной площадке находилось три квартиры, и как-то само собой повелось, что ключ хранился у них. Все соседи и работники ЖЭКа об этом знали и при необходимости обращались, но это происходило не так часто, что за надобность может быть на чердаке, вот в подвале гораздо интереснее. Маша забралась по железной лестнице и кое-как подняла тяжёлый люк. Через слуховые окна кинулись врассыпную стаи голубей, горельник зашуршал под ногами, ей стало жутко, и, несмотря на жару, Маша зябко передёрнулась. Она сама не знала, на какой ляд попала в это тёмное, пыльное, пространство загаженное птицами. Девушка, стараясь ступать неслышно, прошла по чердаку, поднималась на цыпочки и заглядывала в окна. По всему стало понятно, что люди здесь появлялись очень редко, только коммунальщики после зимы сняли со слуховых окон деревянные заграждения. Ей стало жутко от тишины и странного покоя. Маша торопливо направилась к спасительному люку. Вдруг в углу, под деревянной балкой она заметила какую-то кучу старых тряпок. Брезгливо, носком туфли, Мария пошевелила тёмный комок, но нога не провалилась в мягкую пустоту, а упёрлась во что-то жёсткое. Девушка наклонилась и, позабыв о брезгливости, раскидала в стороны тряпки. Это снова оказалась коробка из-под чешской обуви фирмы «Цебо». Мария усмехнулась про себя: она имела одни туфли на весну, лето и осень, носила в ремонт, меняла набойки на каблуках, подклеивала подошву, но даже не мечтала о шикарных туфельках на каблукче-рюмочке кофейного цвета, потому что жили они очень скромно, да и такую обувь достать было совсем не просто. Не к спекулянтам же ехать в город. А тут уже вторая подобная коробка, которую отец тщательно припрятал. То, что эта вещь принадлежит покойному, девушка не сомневалась. Похоже, именно это и искал тот, кто убил старика. Мария осторожно сняла крышку. Внутри лежал довольно объёмный кожаный кисет. Она вспомнила, что отец, когда вернулся из лагеря, хранил в нём табак. Когда непослушные пальцы ослабили затянутую верёвку, на ладонь просыпались золотые монеты. Девушка со всей силы зажала кулак и заплакала. Было время, они очень нуждались, еле сводили концы с концами, отдали в психиатрическую лечебницу сестру, она уже пять лет носит одни и те же туфли и всё это время богатство лежало тайным кладом здесь, в куче грязных лохмотьев. Девушка вытерла слёзы, размазывая пыль по щекам, потом подошла к окну, внимательно рассмотрела коробку и поняла, что оказалась не права в своих выводах – коробка новая, спрятана здесь не так давно и соответственно золото отец выиграл недавно. Тот кто искал и не нашёл эти ценности может вернуться, а значит надо сделать вид, что у них с Аркадием ничего нет, иначе и они рискуют отправиться вслед за стариком. Мария Андреевна пересчитала монеты, одну даже попробовала на зуб, как видела в кино, потом внимательно рассмотрела – на всех красовалась одна и та же дата 1889 год. Драгоценности вернулись в кисет, кисет в коробку,

а коробку девушка решила спрятать под ванной, там сухо, залито бетоном, мышей, крыс нет, так долго пролежит, а дальше видно будет. Самое удивительное, что ни на одну секунду Машу не посетил соблазн обладать этими сокровищами. В её голове крутились песни, которые она пела вместе со своими пионерами:

«Взвейтесь кострами синие ночи,
Мы пионеры, дети рабочих!»

Ползая на животе и запихивая коробку под чугунную ванну, она думала о том, что завтра назначен сбор макулатуры, а на следующий день Всесоюзный коммунистический субботник. К доктору женщина так и не попала, а Эдуард у них появился спустя несколько лет.

Глава 2

Напротив офицера криминальной полиции Шапошникова Сергея Николаевича сидел паренёк с серьгой в ухе, с лохматыми, торчащими в разные стороны, дредами и в дурацкой, пёстрой шапке, хотя на улице стояла жара. Они уже битый час толковали об одном и том же и никак не могли прийти к пониманию друг друга. История показалась полицейскому странной и запутанной. Но он ничем не мог помочь молодому человеку, во всяком случае, пока он не видел выхода. А историю парень рассказал вот такую. Его отец богатый бизнесмен, отошёл от дел, заграбастал весь капитал и вывез за границу, а конкретно во Францию. Там, близ Бискайского залива в старинном, небольшом городе Байонна отец приобрёл виллу и, в конце концов, съехал из России на ПМЖ в европейскую страну. Он открыл во Французском Национальном банке довольно приличный счёт, приобрёл виллу и в связи с этим получил вид на жительство, не теряя российского гражданства. Уехал один, потому что с женой развёлся несколько лет тому назад, а сын покидать родину не захотел, да и вообще имел с ним конкретные разногласия. Но связь между отцом и сыном не прервалась, они созванивались, и сын часто навещал богатея в его резиденции. И вот неделю тому назад сыну стало известно, что отец скончался на своей вилле. Когда парень прилетел во Францию и обратился в полицию, ему рассказали, как обстояло дело. Домработница приходила убирать дом три раза в неделю, вот в пятницу она и нарисовалась, открыла ворота и двери дома своими ключами. В комнатах стояла тишина, пожилая француженка решила, что хозяин отсутствует, но в комнате застала его сидящим в кресле, на столе стоял бокал с недопитым коньяком, а сверху бокал закрывала карта валет пиков. Хозяин оказался мёртв. Полиция выяснила, что мужчина скончался от инъекции дитилина несколько часов после обнаружения. Из дома ничего не пропало. Мужчина проживал одиноко, среди французов друзей не завёл, языка не знал. Опросили соседей, но толковых свидетелей не нашлось. В таких поместьях живут очень обособленно и тихо.

– А что вы от меня-то хотите? – эта история показалась Шапошникову увлекательной, и не более того, у него своих дел накопилось по горло.

– Я хочу, чтобы вы нашли убийцу, – парень искренне смотрел на полицейского, даже не предполагая, что тот может отказать.

– Послушай парень, – полицейский перешёл на ты. – Дело ведут французские коллеги, к нам никто не обращался, тела нет, А где, кстати, его похоронили?

– На Смоленском кладбище, рядом с его матерью, моей бабушкой. Я сам перевёз тело отца.

– У меня нет оснований возбуждать уголовное дело.

– Как нет? А моё заявление? Вы обязаны принять моё обращение, я гражданин России!

– Ну что я буду делать с твоим заявлением? У меня ничего нет, ни протоколов осмотра места преступления, ни документов о вскрытии, ни опроса свидетелей. Он последнее время жил и скончался в другой стране!

– Но он русский гражданин и имеет последнее право на то, чтобы вы нашли его убийцу.

– А ты встречался с полицией в Байонне?

– Конечно. Они мне даже переводчика предоставили. Сказали, что дело зашло в тупик, но они работают. Выдали мне какие-то бумажки на французском. А напоследок сказали, о том, что, вероятнее всего, следы убийцы надо искать в России.

– Послушай, наш разговор ни к чему не приведёт. Давай так, ты переведёшь на русский все бумаги, которые есть, а я подумаю, чем тебе можно помочь.

– Я уже всё сделал, – парень залез в рюкзак и достал листки и снимки. – Вот здесь фотографии и то, что предоставила мне полиция города Байонна.

– Рассказывай что тебе известно.

– С чего начать?

– Я и сам не знаю, что может пригодиться. Начинай сначала.

Рассказ получился сумбурным, но Сергей Николаевич делал какие-то пометки в своём блокноте, а потом, потерев привычным жестом подбородок, задумчиво произнёс:

– Ну, хорошо, всё, что в моих силах, я попытаюсь сделать, записывая свои телефоны, адреса. Как только что-то понадобится, или прояснится, я позвоню или мой коллега.

Как только парень удалился, Шапошников озадаченно покачал головой. Один его сотрудник наслаждался отпуском, а второй находился в состоянии развода, поэтому витал со своими мыслями где-то далеко. Однако никто не отменял текущие дела. Он просмотрел внимательно бумаги, которые оставил паренёк, потом включил компьютер и набрал в поисковике фамилию Троепольский Константин. Информации по этому персонажу обнаружилось достаточно, и за столом полицейский просидел до конца рабочего дня, потом свернул все окна на экране, решил продолжить работу дома. Он досадовал на себя за слабость, сам не понимал, зачем дал обещание помочь парню. Зачем ему всё это надо? Своих дел не переделать. Тем более вероятность обнаружить убийцу, который совершил преступление в другой стране, практически равнялась нулю. Да и не факт, что это был русский, это мог сделать и француз и испанец, да мало ли причин для убийства. И сам себе Шапошников честно отвечал, что досада появилась, прежде всего, от того, что невысказанно хотелось курить, а дело это его очень заинтересовало, особенно тот странный факт с игровой картой на бокале с коньяком. Он перестал курить неделю назад, потому что пообещал жене Нине, когда исполнится год их сыну, он бросит эту пагубную привычку. Но даже представить себе не мог полицейский, насколько тяжело будет расставание. Его невыносимо тянуло закурить, он не знал, куда деть руки и что запихнуть в рот вместо вожделенной сигареты, ему снились сны, как он выпускает дым и, часто, забываясь, хлопал себя по карманам в поисках пачки. Тот, кто расстался с курением, обещал, что невероятно тяжело будет первый месяц, а дальше тяга пойдёт на спад, и Шапошников не мог дождаться, когда же это случится. Самое нелёгкое оказалось это удержаться рядом с курящими товарищами и после кружки пива. Сергей Николаевич стал раздражительным и вспыльчивым, сам понимал, что это не нормально, но ничего не мог с собой поделать. Он мысленно дал себе жёсткую установку не сворачивать с тернистого пути, ведущего к здоровому образу жизни. Дома после ужина и обязательной сказки для сына, Сергей снова уселся возле компьютера. Утром у него сложилось очень чёткое понятие об этом деле и уверенность, что ни у одного иностранца не имелось резона убивать русского, следы ведут именно сюда, в Санкт-Петербург, но уверенность к делу не пришьёшь- убийцу надо вычислять. Утром, встретившись со своим подчинённым и коллегой Рафиком, Шапошников рассказал всё, что удалось узнать об этом деле в надежде, что друг заметит то, что он пропустил:

– Константин Троепольский сорок пять лет, уроженец Питера, в разводе, имеет сына Семёна двадцати трёх лет. Троепольский занимал высокую должность в областной администрации. Проходил свидетелем по нескольким делам о хищениях и не целевом использовании бюджетных средств. Каким-то чудесным образом он не попадал под подозрения. Были сомнения, что этот бюрократ создавал подставные фирмы и выводил большие суммы из бюджета, но пока собирали доказательства его и след простыл. Он дважды состоял в официальном браке, от первой жены у него родился сын Семён, о других наследниках ничего не известно. После развода парень остался жить с матерью, а когда та переехала жить к новому мужу, то мальчишка, не найдя общего языка с отчимом отправился служить в Армию. Родной отец, узнав о том, что его единственный сын не грызёт гранит науки в каком-нибудь престижном ВУЗе, а топчет кирзовыми сапогами полигон, пришёл в ярость, и прежде всего на себя, потому, что в какой-то момент, увязнув во втором бракоразводном процессе, совсем упустил отпрыска из виду. Когда тот вернулся, у папаши уже освободилась жилплощадь от второй жены, тогда бывший солдат остался жить с отцом. Ну а Троепольский уже расстался – устроил сына в Архитек-

турную Академию, благо их стремления и предпочтения в сфере высшего образования совпадали. Только в остальном всё шло наперекосяк. Семёну не нравились тусовки, вечеринки, вышний свет, где заводились нужные знакомства, и он также не планировал работать где-нибудь в офисе, сидя на заднице или в бюрократической структуре. А папаша, к тому времени уже промышлял нелегальными деньгами. Он планировал ввести сына в областную Администрацию, поднять до нужных высот и посадить к кормушке вместо себя, благо мать при получении паспорта заставила Семёна взять свою фамилию, поэтому в семейственности их никто бы не заподозрил. Но парня планы отца на его будущее не устраивали, он помалкивал до поры до времени, а когда получил диплом, объявил, что уже нашёл работу в фирме «Чистая Среда», которая специализируется на графическом, промышленном дизайне и дизайне среды. А в дальнейшие планы входит открытие своей собственной фирмы и, вероятнее всего, он акцентирует свою работу на декоративно-прикладном искусстве и создании костюма. Папаша не несколько минут превратился в соляной столб. Все его потуги оказались напрасными. Он смирился с тем, что Сёма накрутил на голове немыслимые дреды, терпеливо отнёсся к тому, что сын питает отвращение к строгим костюмам и галстукам, а предпочитает немыслимые жёлтые жилеты, вытянутые свитера и обвешивается деревянными бусами! Однако даже представить в страшном сне отец не мог, что его сын уподобится Жану-Полю Готье, Валентино, Иву Сен-Лорану, Джанни Версаче, в общем, вступит в клуб гей меньшинств и сменит свою ориентацию. А там и шоу-бизнес со своими дебильными законами! Об этом в резкой форме высказал сыну, своё недовольство. На что Семён в тех же интонациях парировал отцу, что: во-первых, он не гей, во-вторых, свободный человек, в-третьих, предпочитает зарабатывать своим трудом, и не грабить государство, а потом сидеть и трястись, когда же за тобой придут. Константин, не ожидая от близкого человека таких откровений, залепил сыну звонкую пощёчину. В этот же вечер парень собрал свои вещи и съехал на съёмную квартиру. Отец за ним не побежал, но следил, как тот устраивается в самостоятельной жизни, готовый примчаться на помощь в любую минуту. Со временем их отношения наладились, и Семён часто навещал отца, когда тот уже перебрался во Францию. По сути, только сын мог быть заинтересован в смерти отца, потому что он являлся единственным наследником, но из бумаг, которые предоставил сам же Семён, следовало, что у него имеется жёсткое алиби. Полиция Байонны проверила его паспорт и выяснила, что парень не пересекал Шенгенскую зону в интересующие даты. Полицейские также выдали ему документ такого содержания:

На вилле «Ля бурже» округа Байонна обнаружен труп мужчины. Это оказался владелец особняка Константин Троепольский. Он сидел в кресле в домашнем, шёлковом халате и тапочках. Домработница, которая обнаружила труп, сообщила, что замки как на воротах, ограждающих территорию усадьбы, так и на дверях дома были заперты, из чего можно сделать вывод, что хозяин сам открыл убийце. После преступления гость захлопнул дверь с английским замком в доме, а через ворота не проходил, подставил лестницу и перелез через ограду, потому что там сложный, электрический запор. Осмотр места преступления показал, что из особняка ничего не пропало, хотя взять было что – на стенах в холле гравюры восемнадцатого века, а в гостиной несколько работ известных французских импрессионистов 19 столетия Пьера Боннара, Феликса Валоттона и даже Винсента Ван Гога. Можно было сделать вывод, что убийца не разбирался в искусстве, поэтому картины остались нетронутыми, но он также не попольстился на коллекцию дорогих часов и довольно крупных сумм денег, которые лежали в ящиках письменного стола в кабинете покойного. Всё это говорило о том, что у убийцы имелась чёткая цель – прикончить Троепольского. Эксперты выяснили, что на столе стояло два бокала, один хозяина, а второй тщательно вымытый нашёлся на кухонном столе. Обнаружены отпечатки пальцев нескольких человек, хозяина, двоих неизвестных и самой домработницы. А вот одни пальчики из двух неизвестных оказались совершенно свежими на спинке кресла, в котором сидел покойник. Когда обошли всех соседей, то выяснили, что русский жил достаточно одиноко, гости к

нему навевались не часто, правда он общался кое с кем из местных, которые говорили на английском, но в гости к себе никого не приводил, а встречался в городе, пил кофе в кофейнях и пиво в барах. Из этого сделали выводы, что, скорее всего это отпечатки оставил убийца, но по базе данных никаких совпадений. Позже восстановили примерную картину преступления. Возможно, убийца какое-то время следил за домом. Он узнал, что в это утро пожилая француженка не появится на вилле. Он или она звонит в кованые ворота, хозяин смотрит на видеомонитор и без опаски открывает ворота, а следом и двери в доме. Время около полудня, хозяин ещё в халате, и он, должно быть хорошо знает своего визитёра, поэтому не переоделся в другую одежду. Троепольский предлагает выпить. Потом гость каким-то образом отвлекает Константина и в это время подсыпает ему в бокал наркотик, от которого хозяина конкретно развозит, и он не сопротивляется, когда ему вкалывают смертельный яд. На нескольких соседних домах имеются видео камеры, и в интересующий день одна из них зафиксировала такси, из которого вышла то ли женщина, то ли мужчина. Сегодняшнее стремление женщины походить на мужчину и наоборот произвело на свет нечто среднее в стиле унисекс. Из такси вышел для женщины высокий, для мужчины среднего роста человек, одетый в бейсболку, бесформенную куртку, джинсы и кроссовки. Скоро вычислили таксиста, привозившего это «нечто». Пожилой человек рассказал, что забрал клиента в районе железнодорожного вокзала. Мужчина это или женщина понятия не имеет, так как они не обмолвились ни словом. Человек сел на заднее сиденье и показал, написанный на листке адрес, из чего таксист сделал вывод, что клиент не говорит по-французски и скорее всего иностранец. Почти половину лица закрывали солнечные очки, что нормально в конце мая близ Бискайского залива. И всё-таки он вспомнил одну странность: человек имел ухоженные руки, хоть без лака на ногтях, но с маникюром. Потом он или она рассчитался по счётчику и вышел из автомобиля также, молча. Полицейские опросили обитателей района железнодорожного вокзала, прошли по кафе, кондитерским, ресторанам, отелям и магазинам, но ничего толкового не узнали. В общем, французы объяснили сыну, что расследование они не закрывают, продолжают работать, но успеха не гарантируют, потому что убийцу, скорее всего, надо искать в другой стране. Они, конечно, могут передать кое-какие материалы дела российской полиции по официальному запросу, и французские власти, если сочтут возможным, поделятся информацией.

За всё время долгого повествования Рафик не проронил ни слова. Он продолжал безмолвствовать, когда Шапошников взглянул на товарища вопросительно. Так же, не говоря ни слова, тот встал из-за стола, достал банку с кофе и включил чайник, потом повернулся, вскинув брови:

– Ты же видишь, французы дали понять, что искать они никого не будут, и дело русским не передадут. Я надеюсь, ты не будешь строчить запросы о передачи дела на беглого функционера?!

– Я ещё ничего не решил, – замешкался полицейский. – Его сын настаивает, чтобы мы расследовали это убийство.

– А здесь-то он чего требует? Пускай, претензии предъявляет полиции города Байонна, где жил покойник, имел роскошную недвижимость, огромный счёт в банке. Этот вор вывез из страны, что успел нагребастать, его кокнули на другом конце континента, значит, не поделился с кем-то, таким же прохиндеем. А сын является наследником, не сегодня, завтра сам туда же укатит, к тёплому океану, – Рафик поднял палец. – Я даже удивлён, почему французы не схватились за него мёртвой хваткой, а наоборот, даже выдали часть информации. А ведь он единственный, кому была выгодна смерть отца.

– Да всё ты правильно говоришь. Нет смысла копать в этом деле, не нашего это ума, если бы ни одна маленькая деталь.

Сейчас настало время Шапошникову тянуть театральную паузу. Чайник уже бурлил вовсю, и Серёга не торопясь разлил кипяток в кружки. В это время Рафик ёрзал от нетерпения на стуле.

– Ну, так деталь, какая?

– Карта, которая лежала поверх бокала! Валет пики. Кто-то оставил знак, метку, визитную карточку, автограф. Такие вещи просто так на место преступления не попадают. Я уверен, что новое преступление уже произошло или скоро случится.

– А ты не преувеличиваешь значение такой мелочи?

– Поверь мне, нет! И ты попытайся найти что-то похожее в архиве, в делах, которые есть в производстве у соседей, а я поговорю с компьютерщиками. Что-то знакомое во всей этой истории. Да, и ещё, убийца был в перчатках, а на карте найдены частички театрального грима. По всей видимости, человек гримировался, потом трогал своё лицо и оставил следы на лощёном картоне.

– А может отравитель это сделал специально?

– Вот именно, какая-то подсказка для полиции!

Давным-давно Гульбанкин завёл эту традицию, а может не так давно, около двенадцати лет назад, как только переехал жить в особняк. После развода со Светочкой у него появилась квартира, но когда бизнес пошёл в гору Эдуард Аркадьевич решил перебраться за город и приобрёл роскошный особняк вместе с приличным участком в небольшой деревне. Он влюбился Санкт-Петербург, как только первый раз туда попал, но суетность города утомляла, и он чувствовал себя умиротворённым в тихом пригороде. И в тот первый год он пригласил близких друзей на ужин, и с тех пор закрепил второе воскресенье июня, днём открытых дверей для самых приближённых. Он не изменил традиции даже в тот тяжёлый год, когда он боролся с тяжёлой болезнью. Менялись гости, менялось меню и дислокация, но встречи оставались неизменными. В прошлом году основным блюдом был шашлык. Стол накрывали на улице в уютной беседке, возле основательного, каменного мангала. В этот раз Гульбанкин, посмотрев прогноз погоды, не захотел рисковать и наказал домработнице накрывать в овальной столовой. Меню хозяин выбирал тщательно и в этом году захотел акцент сделать на блюда из рыбы – обязательно копчёный угорь и сёмга, слабосоленая селёдка с овощами на закуску, жульен в горшочках из форели, расстегаи со щукой, фаршированные кальмары. Напитки тоже на любой вкус. Вчерашняя история с найденной картой выбила из колеи, он понял, что это предупреждение, даже знал, о чём его предупреждают, и догадывался, кто за этим стоит, но отменять традиционную встречу категорически не захотел. Эдуард переоделся к ужину в светлую, шёлковую рубашку и тёмные, хлопковые брюки свободного покроя, обдал лицо одеколоном и придирчиво осмотрел себя в зеркало, потом повернулся боком, и втянул живот. Несмотря на лишний вес, себе он поставил пять с плюсом. Он считал, что в свои пятьдесят выглядит очень даже ничего – высокий, широкоплечий, тёмные волосы и седые виски. За округлившийся живот он, конечно, в душе себя корил и каждый раз мысленно обещал отправиться на тренировку в какой-нибудь фитнес центр, но болезнь так расхолодила его, так испугала, что он невольно начал относиться к собственному телу, как к хрустальной вазе. Когда Эдуард спустился в гостиную, то услышал, как на кухне Евгения Степановна громыкает противнями, посудой и что-то напевает. Она уже засервировала овальный стол, покрытый белой, вышитой лиловыми анютиными глазками, скатертью. Для Гульбанкина очень важен был порядок, причём во всём – не только в доме, в документах, в работе, но и в мелочах. Хотя он и пригласил сегодня гостей своих, которых знал много лет, но за столом рассаживал их в определённом порядке, для этого он всегда заготавливал таблички и расставлял напротив каждой тарелки. Ему не нравилось, когда женщины сбивались в кучу и, никого не слушая, щебетали, хихикали и полушёпотом сплетничали, а также мужчины под градусом травили похабные анекдоты и громко ржали. Эдуард терпеть не

мог телефонных разговоров за столом, а тем более, если кто-то утыкался в свой смартфон, не обращая на присутствующих никакого внимания, и запрещал включать телевизор. Эдуард просто обожал музыку тридцатых годов «Брызги шампанского», «Рио Рита», «Цветущий май», «Для тебя». Это напоминало ему детство, беззаботность, ещё юную мать и чубастого отца. Портрет молодых родителей, запечатлевший их в день свадьбы, висел в его спальне. Это была личная история жизни Гульбанкиных, которая не может быть кому-то интересной кроме него. Он никогда не выставлял на всеобщее обозрение фотографии из прошлого, как и ещё некоторые очень ценные семейные реликвии и тайны. И вот что удивительно, гости знали эту причуду хозяина и с воодушевлением принимали условия вечеринки, с удовольствием танцевали под хиты Вадима Козина и Петра Лещенко. Эдуард Аркадьевич отошёл от стола и ещё раз осмотрел, все ли так, как он хотел, потом крикнул домработнице:

– Евгения Степановна, а вы официанта пригласили на сегодня?

Раскрасневшаяся, крупная женщина в фартуке и косынке, стояла возле плиты и помещивала соус. Она укоризненно покачала головой и негромко пробурчала:

– На какой чёрт нам официант, девять человек я сама бы обслужила, – а вслух громко крикнула, чтобы хозяин услышал её в гостиной. – Придёт с минуты на минуту.

Вскоре начали прибывать гости. Первой приехала Марина. Кто она была для Эдуарда? Он и сам иногда затруднялся ответить однозначно. Они познакомились, когда она обратилась к нему как журналистка, в надежде получить интервью из первых уст о работе и перспективах концерна «Сливочное царство». Статья в газете, в которой работала Марина, вышла, её прочитали и забыли, а вот отношения между ними остались. Они встречались уже около пяти лет. Замуж Эдик её не звал, а она не особенно настаивала, а может, делала вид, что ей безразлично в каком она статусе относительно Гульбанкина. Сначала их связывала кипучая страсть, а когда Эдуард Аркадьевич заболел, Марина прошла весь трудный путь вместе с ним, держа за руку даже в тот момент, когда он очнулся после тяжелейшей операции в реанимации, куда вообще посторонним был вход строго воспрещён. После этого в их чувствах произошли изменения – они по-настоящему начали дорожить друг другом. Во всяком случае, он воспринимал её не только как любовницу, но и как самого близкого друга. Эдуард хотел, чтобы она переехала жить к нему, а Марина парировала, что не время. Она ссылалась на то, что часто пишет ночами, пьёт много кофе и курит, и что их биоритмы не совпадают, и что она быстро наскучит ему бесконечным шлёпаньем по клавиатуре и невыносимым запахом табака. Эдуард лишь пожимал плечами – любая другая на её месте вприпрыжку прибежала из однокомнатной малогабаритки в царские хоромы, на полное обеспечение, но выбор Марины он уважал и не пускался в уговоры. В глубине души он понимал, что рано или поздно они будут жить под одной крышей, потому что Марина, как боевая подруга прошла с ним через тяжёлые испытания. С самого начала повелось, что финансово женщина была независима, денег у любовника не просила, а он и не предлагал, но делал дорогие подарки вроде автомобиля, бриллиантов и шуб. Ей исполнилось сорок лет, но выглядела она несколько старше, потому что имела абсолютно седую шевелюру, одевалась, в отличие от многих соратников по её профессии не демократично в джинсы и майки, а подчеркнуть элегантно – предпочитала узкие юбки чуть выше колена и высокие каблуки. Однажды Эдуард задал вопрос, почему она не красит волосы, ведь в её достаточно молодом возрасте и публичной профессии носить седую шевелюру как-то не комильфо. Женщина грустно улыбнулась и пожала плечами.

– Ты знаешь, я никогда не буду делать пластических операций, чтобы выглядеть моложе и красить волосы. Моя мама тоже рано стала седой и пробовала разнообразные красители, а так же захаживала в дорогой салон красоты. В конце концов, надула себе скулы и губы, а волосы выкрасила в голубой цвет. Представляешь, вот такая престарелая Мальвина, с которой косметологи выдаивали огромные деньги, чтобы поддерживать форму губ, щёк, носа, скул. Да только время не обманешь, старость неумолимо сомнёт все потуги врачей, сейчас всякие

процедуры не только не помогают ей, а наоборот вредят. От Мальвины остались лишь голубые волосы, только и их никто не видит кроме меня.— Марина вздохнула.— Мама никуда не выходит, сидит, как французский бульдог с обвисшими щеками и индюшачий шеей. А я буду стареть, как распорядится природа. Во всяком случае, не намерена этого стыдиться.

Фривольность Марина позволялась лишь в выборе разнообразных блузок, яркого макияжа и пунцового лака на ногтях. Вот и сейчас женщина вошла по-летнему светлая и ароматная. Эдуард обнял её и увлёк в гостиную.

— Выпьешь чего-нибудь?

— Может быть позже, — Марина посмотрела на Эдика прямо. — Ты о чём-то хотел поговорить со мной?

— Не сейчас и не здесь, — он выглянул в окно и увидел, что собирается дождь. — После ужина поднимемся в кабинет.

— Что-то важное? — Марина наманикюренными пальчиками повернула лицо мужчины к себе и заглянула в глаза. — Рассказывай, пока никого нет.

— Меня хотят убить. И я примерно представляю кто и за что. На это у меня есть две версии, — мужчина замолк на несколько секунд.

— И? — женщина разволновалась. — Зачем кому-то твоя смерть?

— Пару лет назад была одна не очень приятная история. Я как-то рассказывал тебе об этом, а может, и нет? Кажется, так давно это произошло, ещё до моей болезни, и я уже забыл обо всём этом, но вчера я получил что-то вроде чёрной метки. Об этом долго рассказывать.

— Хорошо, оставим на потом, — Марина тряхнула головой. — А вторая причина?

— От деда мне достался целый кисет царских червонцев. Когда мать умирала, то передала эти сокровища мне, — Эдуард достал из кармана брюк носовой платок и вытер со лба пот. — Представляешь, мы жили бедно, как церковные мыши, отец пил по-чёрному, а под ванной много лет лежало золото, и мать ни разу не искусилась, чтобы потратить на что-то хоть одну монету.

— А ты? Ты вложил в дело сие богатство или приберёг в банке?

— В том-то и дело, что нет. Мои дела уже пошли в гору, когда появилось вот это состояние. Я кисет просто припрятал до поры до времени.

— Я так понимаю, что вторая версия и состоит в том, что кто-то, опять же, желает тебя убить, чтобы завладеть золотом? — Марина не спрашивала, а утверждала, и Эдик, в знак согласия, часто закивал. — И где же хранится это достояние семьи Гульбанкиных? Только не говори, что так же под ванной.

— Ну что ты, кисет до сих пор лежит...

В дверь позвонили, и разговор пришлось прервать. Эдуард Аркадьевич извинился перед дамой и заспешил к двери.

Его компаньоны появились почти что вместе, один с женой, а второй в одиночестве — когда-то он был женат, семейная жизнь оставила такой трагический след в памяти, что холостой коллега никогда не вспоминал о том времени и более жениться не намеревался. Друзья и сотрудники за спиной их называли Бобчинский и Добчинский, за чрезвычайную схожесть с гоголевскими персонажами из «Ревизора». Оба имели невысокий рост, прорисованные брюшки и наметившиеся лысины. Собственно на этом подобие с персонажами заканчивалась. Александр Александрович Переверзев, а для друзей Сан Саныч вместе с женой Ириной ввалились, шумно отряхиваясь, начался дождь. Почти следом заскочил, держа в руках бутылку вина и смахивая капли с блестящей лысины, Юдинцев Николай Петрович. Хозяин широко распахнул двери, радостно приветствуя гостей.

— Николай Петрович я надеялся, что в этот раз ты придёшь с дамой. Хватит уже в холостяках ходить!

— Беру с тебя пример Эдуард. Я уже там был и пока ещё раз в этот омут не тянет.

Гульбанкин махнул рукой Марине:

– Мариша посмотри там, на кухне Евгения Степановна справляется? И когда появится официант?

Сам тут же вернулся к дверям – по мраморным ступеням, прикрываясь одним зонтом семенила процессия – его бывшая жена Светлана с очередным ухажёром и её сын Пётр с невестой. Эдуард широко раскинул руки. В какой-то момент он почувствовал себя абсолютно счастливым, в его доме гости, их не надо представлять другу, никто не будет манерничать и кривляться. Даже новый ухажёр Светланы уже совсем не новый и, в отличие от других, задержался возле неё уже более двух лет, во многом благодаря щедротам бывшей жены Гульбанкина. А про невесту пасынка и говорить нечего, все её знают как облупленную, потому что она больше года трудится в их «Сливочном царстве» главным менеджером по продажам. Эдуард предложил друзьям выпить перед ужином, а сам направился на кухню. Навстречу вышла Марина.

– Не волнуйся, официант уже здесь, – Марина глянула на себя в большое зеркало и поправила волосы. – Евгения Степановна провела его через чёрный вход. Он появился в тот момент, когда ты встречал гостей у парадного. Нечего прислуге толкаться среди хозяев.

– Хозяев жизни ты хотела сказать? – сухо отреагировал Эдуард и стрельнул глазами.

Гульбанкина раздражала манера любовницы делить людей на сословия. По его мнению, в странах бывшего СССР все были абсолютно равны. Революция перемешала людей так, что аристократия, высшее сословие, графья, князья, растворились в людском море. Тех, кто не успел уехать за границу, заставили позабыть о благородном происхождении. А из простого народа аристократия никогда не прорастёт, она создаётся из века в век. Да и человек интеллигентный и порядочный будь он сто раз миллионером, никогда не превознесёт себя относительно человека бедного. Иногда Гульбанкин размышлял о том, почему сегодняшнее время не даёт таких меценатов как Савва Мамонтов, Митрофан Беляев, Василий Тредиаковский, Савва Морозов, которые считали своё дело не столько источником дохода, сколько миссией, которая возложена на них Богом и судьбой. И при этом они не стремились предавать своё дело огласке, и даже напротив, помогали людям при условии, что их дела не будут афишироваться в газетах. А истинные аристократки, дочери последнего русского императора Ольга и Татьяна во время войны были медсёстрами в военном госпитале или настоящая королева Великобритании Елизавета во время второй мировой войны работала простым водителем на санитарной машине. А что делают наглые морды, присосавшиеся как пиявки к недрам и сосущие нефть и газ? Гульбанкина доводила до белого каления информация о том, что один российский олигарх потратил на свадьбу сына полтора миллиона долларов! У него не укладывалось в голове, как можно взять и пропить полтора миллиона долларов! Он сокрушённо качал головой в немом изумлении, когда узнал из газет о том, что в Гамбурге со стапелей сходит самая дорогая в мире парусная яхта, которая принадлежит русскому миллионеру или продан автомобиль, полностью украшенный кристаллами Сваровски дочери нефтяного магната. Иногда он задавал сам себе вопрос: откуда появились эти сытые, бестыжие хари, из какой страны, из какого народа? Какая мать их родила и, в какой деревне? И сам себе отвечал, что это не русские люди, которые имеют сострадание, доброту, человечность. Это какие-то инопланетяне, не иначе. В стране богатыми стали те, кто у кормушки близко стоял, и у кого морда наглая. Гульбанкин прекрасно помнил то время, и отдавал себе отчёт в том, что его сегодняшние капиталы стартовали не с пустого места, а с грабительской приватизации девяностых годов. Сам Эдуард Аркадьевич выбрал для себя определённую стратегию – для него было важно создать комфортные условия работы для сотрудников своего концерна, а ещё он ежемесячно подписывал банковский чек и отправлял некую сумму на содержание детского дома в посёлке, где он родился. Гульбанкин ни в коей мере не причислял себя к великим меценатам – не строил галереи, музеи или театры – он в этом ничего не понимал. Эдуард не собирался снимать с себя последние штаны, чтобы облагодетельствовать какого-нибудь нищего, но никогда бы не позволил себе, хотя имел возможность,

отправиться в Куршавель, чтобы напоить толпу дармоедов шампанским «Дом Периньон» по пятьсот евро за бутылку! Он часто замечал за любовницей высокомерное иногда даже хамоватое отношение к официантам, продавцам, администраторам в офисах, и иногда ему хотелось спросить:

«Сами-то вы, каких будете?»

Хоть Марина и являлась образованной интеллектуалкой, умела преподнести себя, со вкусом одевалась и прекрасно держалась в обществе, но аристократкой её никак нельзя было назвать, потому что во время душевного волнения или глубокой задумчивости она грызла ногти. Марина почувствовала его недовольство и передёрнула плечами. Ей тоже не нравилась в любовнике его игра в доброго хозяина. Про игру она поняла, когда они только познакомились, и она брала у него интервью. Эдуард Аркадьевич повёл её с экскурсией по цехам, и она увидела, как сотрудники готовы лобызать его руки. В своём «Сливочном царстве» Гульбанкин был король. Он имел решающий голос в компании, потому что владел сорока девятью процентами акций, вторую половину поделили его партнёры. В концерне состояло несколько предприятий: фермы для поставки сырья, завод по производству кормов и сам молокозавод. Сотрудники получали большую зарплату, прекрасные условия труда и социальные гарантии, поэтому за хозяина они готовы пойти и в огонь и в воду. А он в свою очередь лично выслушивал все жалобы, помогал брать ипотеку и кредиты нуждающимся, даже делал роскошные подарки тем, кто уходил на пенсию. Вот в этом Марина и видела заигрывания с работягами, которые должны работать и не вякать. Негоже в итальянских ботинках ручной работы топтать навоз на фермах и заглядывать в каждую флягу с молоком. Марина отвернулась, чтобы Эдуард не увидел её раздражения. Они вернулись в гостиную, где присутствующие уже весело болтали под воздействием музыки, в предвкушении изысканного ужина и лёгкого аперитива. Вдруг из кухни раздался грохот и крики. Гульбанкин кинулся на шум и вся компания, поставив свои бокалы, кинулась следом. Пунцовая Евгения Степановна, громко ругаясь, расстёгивала манжет рубашки молодого человека, который закатив глаза, тихонько подвывал.

– Что здесь случилось? – встревожился Эдуард.

– Этот криворучко опрокинул на свою руку кипящее масло! – домработница быстро открыла ящик стола и достала какой-то тубик. – Ничего страшного, сейчас смажу мазью и перевяжу, – она виновато посмотрела на хозяина. – Вы подождите немного, у меня всё готово.

– Не волнуйтесь, говорите, что нести, – в двери протиснулся Николай Петрович. Он, как холостяк привык всё делать для себя сам, поэтому его не смущала сугубо женская работа – постирать носки, накрыть на стол или помыть посуду, да и от запахов разыгрался нешуточный аппетит.

Гости засуетились по кухне. Домработница, забыв про больного, указывала то на тарелки, то на холодильник, то на духовку. Вскоре гостиная наполнилась ароматами чудесных блюд. Все расселись напротив табличек со своими фамилиями и принялись, не торопясь, за разговором, ухаживать друг за другом, подкладывать и подливать. За едой Гульбанкин предпочитал красное вино. Именно после болезни врачи рекомендовали выпивать немного красного, которое помогало быстро восстанавливать силы после долгого недуга. Раньше Эдуард употреблял водку особенно зимой, летом в жару мог выпить несколько кружек пива за раз, зато сейчас он не пил ничего кроме зелёного чая, чистой воды и красного вина и со временем это вошло в привычку. Один питерский дилер поставлял ему одну и ту же марку итальянского напитка. Эдуард знал, что его гости предпочитают кто виски, кто водку, а для дам на столе стояло шампанское «Брют» и белое вино. Хозяин налил в свой бокал рубиновый напиток и потряс бутылкой, предлагая отведать всем желающим, хотя знал, что под рыбу лучше идёт белое вино, да и красное в этой компании предпочитал только он. Но, неожиданно, Светочка, оттопырив кокетливо мизинчик, протянула свой бокал.

– Эдик налей мне. Белое мне показалось слишком сладким для рыбы и немного отдаёт уксусом.

– С удовольствием, – Он наполнил бокал женщины и услышал, как в кармане затрещал сотовый. Он поставил бутылку на стол и достал телефон. – Извините меня. Продолжайте, я вернусь через мгновение.

Эдуард Аркадьевич отсутствовал буквально две минуты, а когда вернулся, то не сразу понял, что произошло. За круглым столом сидели его друзья с немим ужасом на лицах. Эдик обвёл глазами присутствующих и наткнулся на обмякшее тело своей бывшей жены и бурое пятно на белоснежной скатерти. Вдруг все как бы очнулись от ступора.

– Наверное, сердце прихватило, – Марина подскочила, громко уронив стул.

– Надо вызвать скорую помощь! – жена Переверзева Ирина лихорадочно рылась в сумочке, путалась в отделах и подкладке в поисках телефона, и никак не могла его нащупать трясущимися пальцами.

На шум из кухни выскочила домработница, встала в дверях, подперев кулаками бока, и завертела головой, не понимая, что происходит.

Гульбанкин приложил руку к артерии на шее и через пару секунд повернулся к испуганным гостям. Голос его заметно дрожал:

– Она мертва! – с этими словами он метнулся в прихожую и на городском телефоне набрал ноль два.

Глава 3

За месяц до происходящих событий, в конце мая, рядом с посёлком Свияга в тридцати километрах от Питера случилось вот что. Рано утром двое братьев отправились на рыбалку. С вечера накопили червей и приготовили удочки. Одному исполнилось одиннадцать, второму пятнадцать, парни уже взрослые, и мать без боязни отпускала одних на реку, тем более старший всегда приглядит за малым. А через какое-то время прибежали оба, как угорелые истошно вопя. И всё буквально, как у Александра Сергеевича Пушкина:

«Прибежали в избу дети

Второпях зовут отца:

«Тятя! Тятя! Наши сети

Притащили мертвеца».

И дальше всё, как по писанному: отец, услышав небылицы, отмахнулся от ребят, он уже опаздывал на работу, и тащиться через всю деревню к реке просто не имел времени. Но мальчишки дико вращали глазами, жестикулировали, а младший даже подвывал от страха. На крик вышла мать из сараюшки, где давала корм курам.

– Сходил бы ты, отец, может и правда, что ребята говорят.

Отец снова сердито махнул рукой, но к тому месту следом за сыновьями потрусил. С высокого берега он ничего не рассмотрел, но спустившись к самой кромке воды, в зарослях камыша, сначала увидел белую руку с синими ногтями, а потом и всё тело в тёмной от воды одежде. Лицо утопленника распухло и оскалилось. Отец гавкнул на ребятишек, чтобы не приближались, а те и не совали свой нос, стояли на холме, трясаясь от страха. Достаточно того, что младшего, когда зашёл в воду, чтобы отцепить от коряги крючок, покойник коснулся его холодной рукой. И всё опять, как у классика: решил мужик оттянуть покойника за ноги из кустов на середину реки и отправить по течению дальше. Пусть его кто-нибудь другой обнаружит, а ему на работу пора. Ведь вцепятся полицейские мёртвой хваткой и целый день насмарку, на работе получит выговор, поди, потом, докажи, что да как. Уже в воду зашёл, да только как представил, что руками затронет безвольное, холодное тело, к его горлу подступила тошнота. Он хлопнул себя по карманам – телефон остался на кухонном столе. Тогда повернулся и крикнул сыновьям, чтобы бежали в дом и вызывали полицию, а сам остался сторожить уже безвредное тело. На работу он так и не попал, но в полиции выдали документ, удостоверяющий, что прогулял он не по своей воле. Местный участковый вызвал опергруппу из района, они прибыли на место преступления быстро. Следователь долго и дотошно допрашивал отца и сыновей, но сказать им было нечего, кроме того, что покойника видят в первый раз, да и, похоже, дядька не из их посёлка, если не приехал к кому-то в гости. Здесь все друга знают, но этот не поселковый. Может только с закрытого, коттеджного района, который раскинулся в паре километрах от Свияги и закрылся от внешнего мира забором и шлагбаумом. На вопрос следователя, почему мужчина, обнаруживший труп так думает, тот ответил просто:

– В это время дожди идут день, через день и наши местные всё больше в резиновых сапогах или кирзачах ходят, а у этого на ногах, – мужик махнул головой в сторону уже лежащего на берегу утопленника, – ботиночки шик и колечко на мизинце финдиперсовое.

И ведь прав он оказался, подумал следователь – в посёлке самая большая шишка это председатель поселкового совета, управляющий фермой, директор лесопилки и владелец магазина, но ни у того, ни у другого, ни у третьего даже не хватило бы фантазии, средств и возможностей приобрести туфли ручной работы с позолоченными пряжками и кичливо напялить на мизинец золотое кольцо с крупным рубином. Документов при покойнике не оказалось, и в морге он числился как неопознанный. Отпечатков пальцев данного гражданина в полицейской базе данных не оказалось. После вскрытия патологоанатом предоставил письменный доклад, в котором

значилось, что утопленник вовсе и не утопленник, а отравленник, потому что воды в лёгких нет. Ему вкололи яд дитилин, а в воду бросили уже мёртвое тело. В реке он находился около двух суток. Мужчине на вид сорок пять- пятьдесят лет, брюнет, несколько коренных зубов из дорогой металлокерамики, такие делают или в Европе, или в Израиле. Больше никаких примет. Эксперты даже предположить не могли, в каком месте по реке могли сбросить труп. Целую неделю не прекращались ливни, река поднялась, и покойник мог болтаться в одном месте, а мог плыть по течению. Опросили поселковых жителей и коттеджных, но никто мужика в глаза не видел, и знать не знает. А тут загадок добавил патологоанатом, который сообщил на другой день после вскрытия, что сразу не обратил внимания, а вот сейчас глянул: у покойного имелась циркумцизия, то есть операция по обрезанию крайней плоти.

– Так он кто? Еврей или мусульманин? – опешил от такой новости следователь.

– Наша наука не научилась распознавать национальность и вероисповедание покойников, поэтому предположить можно и то и другое. А может операция проводилась по медицинским показателям, что тоже не исключено. Мужчина имел смуглую кожу и тёмные волосы, богатую растительность на груди и спине, так сказать повышенную волосатость, к какой предрасположены жители южных, тёплых районов и стран.

Следователь выходил из морга озадаченный, но его удивило ещё больше замечание в след.

– Опять чуть не забыл. В кармане рубашки я обнаружил размокший квадрат тонкого картона, но кое-как получилось определить – это игральная карта валет пики.

Следователь прикинул в голове, что убить могли за карточный долг, но рыбы такого масштаба не плавают в их захолустье, такие обитают в петербургских карточных притонах. Да что значит карта, никакого смысла в этом нет. Так решил следователь из района, отправил запросы во все инстанции с просьбой помочь определить убитого, но время шло, а результатов никаких. Осталось надежда на то, что родственники, друзья или близкие кинутся на розыски покойного картёжника, вот тогда и прояснится что это за фрукт в дорогих штиблетах.

Шапошникову исполнилось тридцать девять лет. Больших высот по службе он не достиг, самое главное и не рвался. Он оказался тем редким солдатом, который не мечтает стать генералом, и вовсе не потому, что у него отсутствовало честолюбие. Сергей прекрасно понимал, чем выше он поднимется по служебной лестнице, тем больший груз взвалит себе на плечи, тем дальше окажется от реальных дел. Его устраивало то, что в Управлении он руководит отделом по раскрытию тяжких преступлений. Собственно не отдел, а отдельчик, в котором числилось три человека вместе с ним. Один товарищ находился в отпуске, поэтому упирались они вдвоём. Рабочий день закончился. Рафик, прыгнув в автомобиль, отправился на поиски квартиры, которую можно снять по приемлемой цене. Он находился в состоянии развода со своей женой и пока мыкался по углам. То квартировал у Шапошникова на даче до тех пор, пока туда на лето не перебралась его жена с ребёнком и пенсионеры родители. Какое-то время скитался у друзей, но со дня на день должна приехать женщина, из-за которой и случился развод, поэтому кровь из носа, а жильё надо снять. Они познакомились почти год тому назад, но сразу не решились разрушить ту жизнь, которая произошла до встречи. И у неё, и у него имелась семья, только Рафик, как мужик сильный и честный нёс ответственность за двух сыновей, поэтому развод происходил мучительно и долго. Он хотел чтобы сыновья постепенно привыкали к мысли, что жить будут не вместе, но он никогда и ни за что не оставит их без присмотра. Рафик очень боялся, что обиженная жена начнёт закатывать истерики с битьём посуды или устроит торг и шантаж самым драгоценным – сыновьями. Она и устроила. Всё, как положено в нормальных семьях при разводе – и грохот от разбитых тарелок, и рассказы детям, какой их папка подлец. Хорошо разлучница под руку не попала, а то бы и её лохмы повывёртывала, как в общеизвестном, замечательном фильме «Любовь и голуби». Но бесновалась оскорблён-

ная женщина недолго, вскоре уgomонилась, особенно, когда поняла, что муж её помимо ежемесячных алиментов оставляет всё и домик в деревне, и трёхкомнатную квартиру в Санкт-Петербурге, а забирает лишь небольшой чемодан с вещами и далеко не новую машину. Уже потом Рафик узнал, что у жены давно появился хахаль, и она начала крутить с ним тайный роман за год до объявленного мужем официального расставания. А скандалила и шумела от того, что так положено. Но кем положено, недоумевал про себя Рафик, наверное, гастрономом, в котором трудилась мать его детей, но можно развестись тихо и интеллигентно, но опять же товарки по гастроному неправильно поймут. Но Рафику до этого уже не было никакого дела. Он перестал нормально питаться, стал много курить, спал с телефоном у уха, чтобы не пропустить звонок, в конце концов позвонил любимой женщине и поставил ультиматум – или приезжай по-хорошему, или сам приеду и заберу тебя. Она ничего не ответила, а на другой день прислала СМС с номером рейса, которым прилетает в Санкт-Петербург. И вот сегодня Рафик мотался по городу и говорил сам себе, что всё потом, убийства, смерти, расследования, улики, всё потом. Сейчас главное создать хоть карточный домик, куда он приведёт любимую женщину, а потом они по маленькому кирпичику, камешку, песчинке выстроят, как у Владимира Высоцкого:

«Дом хрустальный на горе для неё,
Сам, как пёс бы так и рос в цепи.
Родники мои серебряные,
Золотые мои россыпи!»

А Шапошников, вместо того чтобы поехать прямиком домой, забросил на плечо спортивную сумку и пешком направился в клуб «Атлетико». Его внутренняя борьба курящего с некурящим кипела нешуточными страстями. Постоянно хотелось что-то засунуть в рот. Он непременно что-то жевал, грыз семечки, катал во рту гладкие, фруктовые леденцы, надувал пузыри и щёлкал «Диролом» и «Орбитом». От этого Серёга почувствовал, что набирает в весе и приказал себе как можно больше ходить пешком, меньше жрать и заняться спортом. В раздевалке стоял гвалт. Группа мальчишек после тренировки переодевалась и с шумом, мелькая голыми пятками, спинами и задами, неслась в душ, поэтому Шапошников не сразу услышал звонок телефона. Он уже переоделся в спортивную форму и собирался подняться в тренажёрный зал, но этот звонок поменял все его планы. Это оказался знакомый криминалист, с которым Сергей давно приятельствовал и часто обменивался информацией. Товарищ сообщил, что произошло преступление, которое может заинтересовать коллегу. Хотя доктора скорой, которые приехали на вызов, констатировали смерть, он не совсем уверен в причине произошедшей трагедии.

– Что значит, не уверен? – разозлился Шапошников, ему не хотелось понапрасну менять свои планы.

– Точно не знаю. Может сердечный приступ, может убийство или отравление, это скажет патологоанатом после вскрытия.

– А меня, зачем выдёргиваешь? – раздражался всё больше полицейский.

– Дело в том, что ты интересовался всем, что связано с карточными играми, картами и соответствующими преступлениями. Так вот, хозяин дома, в котором умерла эта женщина, дико разволновался и выпалил, что убить хотели именно его, а женщина умерла случайно. Он рассказал, что за день до этой трагедии получил предупреждение, мол кто-то позвонил в двери, а когда он открыл, то на крыльце обнаружил игральную карту – валет пики. В итоге мужчина начал задыхаться и завалился на пол, вызвали вторую карету скорой помощи, которая увезла его с сердечным приступом. Следователь его толком и допросить не успел.

– Спасибо, что позвонил. Говори адрес.

Шапошников интуитивно почувствовал, что это не случайное совпадение. Он быстро переоделся и бегом вернулся к Управлению, где на стоянке оставил свою машину. Из бардачка он достал карту и прикинул маршрут. Если не попадёт в пробки, то доберётся минут за пят-

надцать. Возле открытых, кованых ворот стоял полицейский, и Сергей Николаевич, показав корочки, спокойно проехал по брусчатке к двухэтажному, окрашенному в светлую охру, двухэтажному дому. Парковка оказалась забитой автомобилями, и Сергей не придумал ничего лучшего, чем заскочить передними колёсами на стриженный газон, чтобы дать возможность развернуться другим. Сейчас уже никого не удивит архитектурными изысками в строительстве, но этот дом, построенный в классическом стиле, показался полицейскому уменьшенной копией здания биржи в Санкт-Петербурге. Хозяин принадлежал к тем, кто имел возможности и средства для того, чтобы поселиться за городом на свежем воздухе в отдельном особняке с садом и огородом. Владелец этого поместья огород с огурцами и картошкой не разводил, но, по всей видимости, любил цветы, которых имелось в изобилии в керамических и глиняных горшках разных размеров, на клумбах и даже в декоративных тачках, от этого усадьба казалась очень нарядной. Внутри строгого стиля не наблюдалось. Шапошников не увидел холодных тонов, чётких пропорций, тяжёлых зеркал в золотом обрамлении, витиеватых, хрустальных люстр и лепнины. Обитатели дома предпочитали уют и комфорт, без фанфаронства и бахвальства избыточным достатком. В холле висел тяжёлый запах то ли валерьянки, то ли корвалола. Везде горел свет, и негромко переговаривались криминалисты. Увидев Шапошникова, кто кивал, кто махал рукой. Все хорошо знали друг друга, потому что часто приходилось сталкиваться. Полицейский перекинулся парой фраз с одним из них и прошёл в столовую, где, как он понял, и произошло убийство. Круглый стол, накрытый белой скатертью, заставленный едой и разными бутылками, оказался почти нетронутым, только в одном месте растеклось красным по белому жуткое пятно. Сергей прикинул в голове, что вот тут и сидела жертва. По всей видимости, только сели за стол, разлили бокалы и решили выпить за встречу и ...

«Успели сделать хоть по глотку? – размышлял Шапошников. – Закусить точно не успели, потому что почти все тарелки пустые».

Возле окна стояли двое, неуловимо похожих друг на друга мужчин и негромко переговаривались, неподалёку, на стуле восседала крупная женщина в фартуке, она шумно всхлипывала и сморкалась прямо в кухонное полотенце. Остальных свидетелей драмы не наблюдалось, карета скорой помощи увезла и покойную. Сергея кто-то тронул за плечо. Это оказался его коллега-следователь прокуратуры Земсков Владимир Фёдорович, мужик лет пятидесяти, коренастый и абсолютно лысый. За любовь к бильярду и лысую голову, похожую на шар, за спиной товарищи называли полицейского Карамболь. В глаза ему об этом никто не говорил – побаивались, потому что характер Земсков имел крутой и вспыльчивый.

– Привет Серёга, – Владимир Фёдорович вытер потную лысину платком. – А ты что здесь?

Шапошников обернулся и протянул коллеге руку.

– Дежурный из управления позвонил, сообщил о странном преступлении. Вот решил посмотреть, – Сергей не стал говорить правды, чтобы не подставить эксперта, который ему звонил.

– Да ничего странного, – Земсков потянул Сергея к дверям. – Пойдём на воздух, покурим. Здесь дышать нечем. Сыну покойной стало плохо, пришлось накапать валокордин. Чуешь, как воняет.

Шапошников сглотнул слюну, лучше бы Карамболь ничего не говорил про покурим, но сжав душу в жёсткий кулак и запрещая даже думать о сигарете, вышел следом за коллегой.

– Короче, Серёга расскажу в двух словах, ещё не всех свидетелей допросил. Если захочешь, завтра протоколы допросов покажу. А пока вот что: Хозяин особняка некий Гульбанкин Эдуард Аркадьевич, человек не бедный, владелец крупного, питерского, молочного производства, ежегодно, в последнее воскресенье июня собирает друзей на посиделки. В назначенное время прибыли гости – бывшая жена с любовником, её сын с невестой, компаньон с женой, ещё компаньон холостой и любовница владельца этого дворца. Готовила домработница, а в

помощь пригласила официанта. Компания небольшая, приличная, мало пьющая. Перед началом застолья случился казус – приглашённый официант опрокинул на себя кипящее масло и обварил руку. Сердечная домработница достала аптечку, сунула раненому и, конечно, приказала не соваться к гостям. На шум прибежали застольщики и, узнав о произошедшем, решили сами накрыть яствами стол. Вот в этой неразберихе уже почти невозможно узнать, кто что приносил, кто, и какую бутылку открывал, и ещё часть бутылок официант уже успел откупорить. Эксперты штопор забрали, посмотрим, чьи там отпечатки, но что-то мне подсказывает, что это тупик. – Карамболь с шумом выпустил дым. – Дальше вся счастливая компания рассаживается за столом и разливает выпивку, кто какую предпочитает. Оказывается, красное вино уважает лишь хозяин застолья. Причём все присутствующие в курсе этого. И вдруг его бывшая супруга, которая до этого предпочитала лишь белое вино или шампанское, проявляет солидарность и протягивает свой бокал. Гульбанкин наливает ей и в это время слышит звонок сотового телефона. Он выходит в холл, чтобы переговорить, возвращается буквально через пару минут, а женщина мертва. Свидетели говорят, что выпили все дружно и неожиданно у покойницы из рук выпал бокал и тело её обмякло. Вызвали неотложку. Сразу не разобрались и решили, что у женщины случился сердечный приступ. Но, когда приехала скорая, и доктор предположил отравление, то в безумство впал сам Гульбанкин и заявил, что отравить хотели именно его. В итоге у него случился настоящий сердечный приступ, пришлось вызывать вторую машину, которая и увезла беднягу в больницу. И это кажется правдой, потому что присутствующие в голос подтверждают, показания друг друга.

– Ты уже всех допросил?

– Почти, уже все свободны под подписку о невыезде. Странность состоит в другом – куда девался официант.

– А что в этом удивительного? Он получил травму, оказался не в состоянии работать и покинул дом.

– Я думаю, что это не случайно, – Карамболь погладил лоснящуюся лысину. – Опытный официант приезжает обслужить за хорошие деньги застолье и получает травму, потом буквально за полчаса до трагедии он исчезает из дома, естественно не получив никакого гонорара. Откуда взялся такой неуклюжий официант?

– А по чьему приглашению он появился здесь?

– Домработница, – Земсков глянул в свой блокнот, – Евгения Степановна Сидоренко рассказала, что это она нашла его в ресторане «Северная Пальмира». Она всегда обращалась именно туда, если хозяин затевал вечеринку. Как правило, дня за два она звонила администратору ресторана, делала заказ на продукты, в этот раз ей понадобилась копчёная сёмга, и просила прислать кого-нибудь в помощь. Вот приехал этот и привёз заказ. Раньше домработница его никогда не видела, паспорт и медицинскую книжку не проверяла, потому, что доверяет администратору «Северной Пальмиры», так как давно его знает.

– А что с вином?

– Что с вином? – в унисон продолжил Земсков. – Сейчас почти невозможно узнать, кто из гостей забрал из кухни и поставил на стол эту бутылку. Это вино не из магазина, так утверждают присутствующие. Один дилер присылает ему из Италии по несколько коробок в год. Евгения Степановна показала мне подвальчик, где хранятся разные деликатесы, в том числе и эти бутылки.

– А подвальчик этот запирается?

– Здесь есть кое-где замки, в том числе и в подвал, а так везде всё открыто, кроме входных дверей и окон. В этих хоромах Гульбанкин живёт один, он ничего ни от кого не прячет. У него часто появляется любовница, друзья, да домработница несколько раз в неделю. Только незамеченным проникнуть в подвал и подсыпать яд в бутылку достаточно сложно, если это не задумала домработница, только она беспрепятственно может туда попасть. Я думаю, кто-то

принёс спиртное незаметно или это было сделано именно на кухне. В гостиной на столе стояло много разной выпивки, но бутылка с красным вином была только одна.

– Ты успел толком поговорить с самим хозяином?

– Какое там. Первыми приехали ребята на скорой помощи. Они нам и сообщили о случившемся. Мы появились буквально через двадцать минут, а тут уже грузят хозяина в реанимобиль.

– В случае смерти Гульбанкина кому всё достаётся? – чисто риторически спросил Шапошников.

– Послушай Серёга, не так быстро! Когда бы я тебе всё успел узнать? С завтрашнего дня буду приглашать, и допрашивать всех подозреваемых снова.

– И кто входит в это число?

– Ну что ты спрашиваешь? Сам прекрасно понимаешь, что все, находящиеся в доме персоны под подозрением, – Земсков задумался на секунду, потом глянул на Шапошникова. – Я не пойму, тебе-то это всё зачем?

– Да так, – отмахнулся Сергей Николаевич. – У меня появилось не так давно одно убийство, тоже связанное с картами, так вот думаю, а не одного ли это поле ягоды?

– Так ты забирай себе расследование. Я завтра перед начальством похлопочу. Но не переживай, я тебя не брошу, знаю, что Петрищев в отпуске.

Шапошников замялся, ему не хотелось грузить себя и Рафика чужими делами – своих имелось не переделать, но моментально принял решение и махнул рукой:

– Хорошо, давай. Напиши мне, в какую больницу отвезли Гульбанкина, я попытаюсь поговорить с ним завтра утром, если врачи разрешат.

– Вот и славно! – облегчённо вздохнул Карамболь и подумал про себя:

«Баба с возу- кобыле легче».

Он потрепал коллегу по плечу и усмехнулся:

– Не дрейфь, Серёга, ты такие дела, как орехи разгрызаешь!

После этих слов Шапошников с грустью понял, что добровольно повесил на себя ещё одно убийство, и его товарищ Карамболь помогать никому не собирается. Лишь один, малоутешительный факт, сглаживал скепсис- история выглядела как классический, английский детектив- убийство совершено в закрытом пространстве, в котором находятся близкие друг другу люди. Чем тебе не многоуважаемый Эркюль Пуаро?

Марина ехала по широким, ярко освещённым улицам города. Время перешло далеко за час пик, поэтому пробки рассосались, и притормаживать приходилось только у светофоров. От стрессовых событий этого долгого вечера невероятно хотелось есть. Никто так и не приоткрылся к изысканным блюдам. Искусная еда испускала благоухание и пар рядом с умершей Светочкой, из которой также выходил невидимый дух. Сейчас, когда страх немного отпустил, голод завёл заунывную и жалобную серенаду в желудке. От мысли, что она вернётся одна в пустую, прокуренную, неряшливую квартиру, в которой нет ни кусочка нормальной пищи, на душе заскребли кошки. Марина почувствовала себя невероятно одинокой и несчастной. Вообще она не позволяла себе такие мысли, заставляла считать и преподносить себя женщиной уверенной, сильной и самодостаточной. Но после сегодняшней трагедии оборонительные силы её покинули, особенно после того, как компания разбилась на группки. Сын покойной Светочки рыдал на плече своей невесты, рядом Евгения Степановна капала какие-то вонючие капли, тут же суетился с горестным лицом любовник покойной. На другом конце гостиной топтались компаньоны – Переверзев с женой Ириной, рядом Николай Петрович. И лишь её никто не поддержал за локоть, не обнял и даже не протянул вонючие, сердечные капли. Она тихо стояла у окна и ждала, когда полиция допросит её и разрешит покинуть дом. Марина не поехала в больницу, зная, что к Эдику всё равно не пустят и толком ничего не объяснят.

Надо ждать утра. Её близкая подруга Эвелина укатила на всё лето в Крым и чтобы не находится в одиночестве Марина отправилась к матери. Она знала, что её любовник куда-то уехал, а может и вообще исчез из её жизни, и мама кукует в одиночестве. Им было трудно вместе, то есть трудно было Марине. Никто не имел над ней такую власть. Мать умудрялась поставить в зависимость от собственной персоны всех окружающих, особенно доставалось самым близким людям. Она была замужем только официально три раза, а неофициальных отцов Марина даже не считала, только все сходили с дистанции, не выдерживая тяжёлый, хитрый и властный характер женщины. Мать родила её рано, когда не исполнилось и восемнадцати лет, но никогда не стремилась стать её подругой. Её раздражало, когда кто-то, пытаясь сделать комплимент, говорил: о, это ваша сестра?! Женщина багровела от негодования, от того, что её, ухоженную нананикюрную даму, могут ставить на одну ступень с девчонкой, нос которой облепили канапушки, а на макушке, как пучок укропа, торчит в разные стороны хвостик. Мать всегда лучше знала, что нужно её ребёнку, какие друзья должны окружать, какие платья одевать, какую профессию получать и даже на какую диету садиться. Но, несмотря на трудности во взаимопонимании, Марина любила мать и тянулась к ней, как непрерываемому авторитету. И всё-таки когда родной отец предложил переехать в однокомнатную квартиру его умершей матери, Марина не раздумывала ни секунды. Тогда она уже окончила Университет, и перспектива проживать с матерью, которая пыталась контролировать каждый шаг и каждый вздох, казалась невыносимой. К её великому удивлению мать легко согласилась, но взяла обещание, что дочь будет оповещать её обо всех жизненно значимых событиях. Так Марина обрела свободу, и возможность встречаться и заводить друзей без материнского рецензирования. Женщина припарковалась во дворе многоэтажного, элитного дома и ещё сидя в тёмном салоне, достала из сумочки телефон.

– Мам привет. Я могу у тебя переночевать? – Марина слушала несколько секунд, потом устало перебила родительницу. – Я уже возле твоего дома. Приду, всё расскажу.

Когда двери лифта разъехались, в проёме двери квартиры женщина увидела силуэт матери, которая стояла, облокотившись на косяк, и курила длинную, ментоловую сигарету, манерно оттопырив мизинчик.

– Ты знаешь, сколько времени? – высокая, статная дама и в этот раз решила не упустить возможность отчитать непутёвое чадо. – Если не высыпаться, то под глазами образуются синяки, потом морщины, а скоро и всё лицо превратится в мочёное яблоко.

– Время одиннадцать. А морщины образуются от курения, – Марина протиснулась в квартиру мимо матери, которая выпустила вслед кольцо ароматного дыма. Она сама считала себя заядлой курильщицей, но полагала, что для женщины в возрасте это не комифо даже с мундштуком из слоновой кости, даже с ментолом и идеальными ногтями. Ей представлялось пределом безобразия дряблая, покрытая пигментными пятнами рука, стряхивающая пепел или резиночкой стянутый бледный рот, засасывающий сигарету. Марина же надеялась, что к пенсионному возрасту истребит в себе эту дурную тягу, во всяком случае, приложит к этому все усилия. – Дай мне что-нибудь поесть. Например, пару бутербродов с колбасой.

– Насколько я знаю, ты была на званом ужине? – мать закрыла дверь и, клацая каблуками, направилась на кухню. Она даже домашней обуви предпочитала возвышаться. – Что, так плохо угощали? – мать остановилась и посмотрела с любопытством. – Или твой богатый ухажёр отменил застолье?

– Можно сказать, не угощали вообще, – женщина опустила в прихожей на обтянутую китайским шёлком кушетку и сняла с отёкших ног туфли. – Представляешь, кто-то хотел убить Гульбанкина, а скончалась его бывшая жена Светочка.

Марина помяла уставшие ступни, потом направилась в ванную, чтобы умыться. Она не видела реакции матери, только слышала, как та громыхает на кухне посудой. Женщины сидели за столом напротив друг друга чем-то неуловимо похожие и совершенно разные, как будто

из различных миров. Дочь с седой, кудрявой шевелюрой с ярким лаком на ногтях и в шёлковой, белой блузке, обвешанной легкомысленными, синими якорями. (Она специально выбрала именно эту кофточку, помня, что Эдик затевает рыбную вечеринку.) Мать восседала прямая со строгим видом – странно-голубые волосы гладко зачёсаны, сияющий от ботокса лоб, изысканный французский маникюр и тёмный, шёлковый, китайский халат. Ей недавно исполнилось пятьдесят девять лет, но понять её возраст было не так-то просто после многочисленных пластических процедур. Так одинаково выглядят все, кто бежит сломя голову за возможностью сохранить молодость. Марина удивлялась, откуда деньги на столь дорогостоящие манипуляции с лицом, но спрашивать не осмеливалась, потому, что мать сразу затевала свою шарманку о том, как одинока, никто не помогает, она вынуждена еле сводить концы с концами и влачить жалкое существование. Только назвать жалким такое существование не поворачивался язык: просторная трёшка в элитном доме, автомобиль последней модели, полный гардероб дорогой одежды и холодильник забитый деликатесами. Они сидели несколько минут, молча прихлёбывая чай, неощутимо похожие наклоном головы, манерой держать чашку, как будто сломанной тонкой кистью руки и одинаково закинув ногу на ногу.

– Так что же всё-таки произошло? – мать смотрела внимательно голубыми глазами, которые удивительным образом сочетались с такого же цвета волосами.

Марина во всех подробностях рассказала, о жуткой трагедии, в которую она оказалась замешанной. Сама не заметила, как разболтала историю о золотых червонцах, которую накануне ей поведал Эдуард. Мать слушала, не перебивая, потом, тугο поджав пухлые от геля губки, произнесла:

– Неужели он и после этого не сделает тебе предложение? Кому всё достанется?

– Мама, о чём ты думаешь? – укоризненно воскликнула Марина. – На моих глазах умерла женщина! Это такой шок! – она скомкала салфетку. – Ну что мне его самой в ЗАГС тащить?

– Вот именно. Пока он в больнице и лишён возможности сопротивляться, ты должна принять меры!

– Какие, например? Он не решился на этот шаг после того, как выхаживала его после серии сеансов химиотерапии и тяжелейшей операции. Я не знаю, что ещё должно произойти!

– Завтра же с утра поедешь в клинику и поговоришь с доктором, ты должна беспрепятственно, в любое время суток видится с ним. Пока поживи у меня, – мать задумалась на секунду. – Давай продадим твою квартиру. Гульбанкин поймёт, что тебе негде жить и решится на женитьбу.

– А деньги положим на твой счёт в банке, потому что ты лучше знаешь, как ими распорядиться! – Марина качала головой. – Я это уже слышала неоднократно.

Мать махнула рукой, показывая, что с бестолковой дочерью каши не сварить, потом с безразличным видом спросила:

– А официант, он что-нибудь рассказал?

– Откуда ты знаешь про официанта? – дочь зевнула и поднялась из-за стола. – Я, кажется, ничего не говорила про него.

Мать почему-то стушеввалась, но Марина настолько устала, что не обратила на это внимание.

– Но кто-то за вами ухаживал. Не эта же толстая кухарка.

Из рассказов дочери женщина знала всех персонажей этой истории, а с некоторыми даже встречалась, но домработницу Евгению Степановну она не видела никогда и то, что та толстая Марина не упоминала даже вскользь. В эту секунду Веденеева думала только о подушке, глаза слипались, поэтому лишь пробормотала, направляясь в спальню:

– Официант испарился ещё до того, как произошла эта трагедия, – она на ходу расстегивала пуговицы на блузке. – Ты непротив, если я лягу с тобой, или ты постелишь мне в моей спальне?

Это была её комната, но когда Марина съехала, мать соорудила для себя кабинет с тяжёлым, из тёмного дерева письменным столом, чудесной, настольной лампой в стиле «Витраж» и кожаным креслом. От бывшей обстановки осталась только софа, покрытая клетчатым пледом и огромный стеллаж с книгами. Для чего матери кабинет было непонятно, вероятнее всего ей иногда хотелось почувствовать себя деловой женщиной, только не совсем ясно в какой сфере. Долгое время она проработала в обувном магазине. В советскую пору приторговывала дефицитом и практически всегда жила за счёт своих многочисленных мужей.

– Я постелю тебе в кабинете, – она принесла подушку с одеялом и разложила диван, на ходу продолжая отчитывать дочь. – Мура ты тратишь время на недостойных мужчин. Три года этот урод Смирницкий водил тебя за нос, пока не укатил за границу, и даже адрес не оставил! А этот красавчик Беляев, просто гад, выманивал у тебя деньги, а сам находился в браке, и совсем не намеревался развестись.

У Марины не имелось сил перечить или спорить, и как в детстве, когда не хотелось слушать материнские нотации, она лишь молча нырнула под одеяло и крепко закрыла глаза, притворяясь спящей, а сама устало подумала:

«Вспомнила бабка, как девкой была. Где эти женихи? Мошь давно почикала».

Но под одеяло настойчиво проникал голос матери:

– Мура ты должна... Мура послушай моего совета...

От воспоминаний Марина улыбнулась. В далёком детстве они поехали в Москву буквально на три дня, чтобы навестить дальнюю родственницу. Это потом стало понятно, что собственно не в родственнице дело. Мать целыми днями бегала по магазинам приобретая польский блеск для губ, помаду, духи «Быть может», болгарские, яркие, акриловые свечечки, немецкие парусиновые тапки, краску для волос и французскую парфюмерию и косметику «Ланком» для того, чтобы потом втридорога продать в Питере. Родственница пожилая, чопорная женщина с халой на голове оказалась женщиной доброй и невероятно гостеприимной, угощала их настоящим тортом «Прага» и составляла культурную программу. А так как она работала билетёршей в «Кукольном театре Образцова», не пойти в это знаменитое заведение было невозможно. Достать билеты оказалось делом сложным даже для билетёрши, но подставные стулья она им всё-таки организовала. «Необыкновенный концерт» они смотрели и раньше по телевизору, только позже Марине казалось, что больше никогда они так не смеялись до колик в боку, до слёз, до абсолютного счастья. Особенно их впечатлил момент, когда конферансье Апломбов представил цыганский хор Заполярной филармонии под управлением Паши Пашина в постановке Орехова, костюмы Зуева, гитары, бубны конторы «Музпрокат» в атмосфере полного взаимопонимания из ресторана «Метрополь». Мариша половину не понимала смысла, но хохотала вместе с огромным залом, особенно когда усатый барон с гитарой представил певицу романса Шуру Мурину и исполнителя соло на скрипке Шуру Мулина. Вот так после этого «Необыкновенного концерта» Марина превратилась в Муру Шурину, а короче в Муру, но так её могли называть только самые близкие люди, а для общего пользования она представлялась Мариной Владимировной. Веденеевой. Откуда-то издали снова проник голос матери:

– Как ты думаешь, куда Гульбанкин мог спрятать золотые червонцы? Неужели они в доме?

– Сказал, что в доме, но в каком месте именно я не знаю, – Марина сквозь сон подумала, что зря рассказала матери о разговоре с Эдуардом. Скорее всего, он хотел сохранить это в тайне, но женщина так устала, что совесть не укорила её за болтливость. Уже проваливаясь в сон, она вздохнула глубоко и повернулась на другой бок.

Глава 4

Рафик глубоко погряз в устройство своей новой, семейной жизни, поэтому всегда куда-то торопился, везде опаздывал и что-то забывал. Его коллега Шапошников и так последнее время находился в состоянии раздражения из-за ломки в организме по поводу никотинового голодания, а тут ещё и Ркафик то забывал сделать что-то, или по рассеянности не предупредил о важном сообщении или не звонил, когда товарищ ждал звонка с важной информацией. Но, к удивлению Сергея Николаевича, в это раннее утро, коллега уже находился на рабочем месте и даже, активно жестикулируя, разговаривал с кем-то по телефону. Рафик махнул рукой, приветствуя друга, через минуту отключился и торжественно заявил:

– У меня есть новости!

– У меня тоже, – Шапошникову уже нравилось такое начало дня. – Рассказывай.

– Давай сначала ты. Мое повествование будет долгим.

– Вчера в доме некоего Гульбанкина произошло убийство. Кто-то хотел отравить хозяина дома, а по чистой случайности зелье с ядом выпила гостя. На место преступления выезжал Земсков Володя, но узнав некоторые подробности, я попросил, чтобы это дело передали нам.

– Караболов с удовольствием отдаст тебе все дела, которые имеет, – усмехнулся Рафик. Он недолюбливал Земскова за хамоватую натуру. – И что это за подробности?

– За день до покушения Гульбанкин нашёл возле своей двери игральную карту валет пики.

Рафик присвистнул:

– Это серия? Преступник оставляет визитную карточку. За какие провинности умирают эти люди?

– Пока не знаю, – Шапошников выпалил всё, что выяснил вчерашним вечером и нетерпеливо поторопил приятеля. – Я так понял, что есть ещё кто-то с такой же картой?

– Есть! И это уже второй труп после убитого во Франции. Только этого отравили, а второго, кажется, утопили. Я ещё не получил отчёт о вскрытии.

Рафик гордился собой, он раскопал историю с утопленным в деревне Свияга, несмотря на то, что в деле лишь вскользь упоминался тот маленький факт, связывающий эту историю с другими аналогичными преступлениями. В описи вещей, найденных при трупе, оказалась размокшая и от этого еле различимая игральная карта пиковый валет.

– И что ты думаешь по этому поводу? – Рафэль сверкнул чёрными глазами.

– А то, что эти смерти связаны между собой, и мне кажется, что есть ещё жертвы, о которых мы пока не знаем или скоро будут. Надо выяснить, кто этот утопленный. Должен же его кто-то разыскивать. Ты займись этим.

– А что будем делать с Гульбанкиным? Ведь тот, кто хотел его убить захочет довести до конца начатое, исправить свою ошибку. Пока он один знает, кто мог желать его смерти. Факт, что эти люди связаны между собой.

– Давай так: я отправлюсь в клинику, куда доставили Эдуарда Гульбанкина, может доктор уже разрешит поговорить с ним. А ты найди официанта из ресторана «Северная Пальмира» и допроси его. Позже займёмся всей компанией, которая собралась вчера на вечеринку. Тот, кто подсыпал яд в бутылку человек свой, знает привычки и традиции в этом доме, – Шапошников посмотрел на часы. – Надеюсь, к вечеру будет готова экспертиза.

– Если из Свияги сегодня не получу известий, то завтра с утра придётся туда наведаться самому.

– Ты прав, будет лучше, если ты сам согласишься всё на месте и поговоришь со свидетелями.

Гульбанкину приснилась мать молодая, с вьющимися волосами, заколотыми у висков чёрными невидимками. Стояло раннее, летнее утро. Через открытое окно лёгкий ветерок еле колыхал ситцевые занавески. Мама сидела на краешке его кровати, будила маленького Эдика, поглаживая вдоль тела, и приговаривала:

– Вырастет мой мальчик большой- пребольшой, мамин сынок, помощник. Просыпайся мой ёжик, просыпайся мой касатик.

И он, открыв глаза, счастливо потянулся, зевнул и уселся рядом с мамой в чёрных трусах и белой майке, свесив ноги с кровати. Она погладила его по выгоревшему на солнце короткому ёжику волос и по разбитым коленкам.

– Помолись Боженке, потом умывайся и приходи завтракать. Сегодня в детский сад не пойдёшь – у меня выходной.

– Мам, а Боженка обидится, если я сегодня не поговорю с ним? – Эдик спрыгнул с кровати и, зашлёпав босыми ногами, побежал в угол к игрушкам. У него были другие планы на сегодняшний день.

– Нет, не обидится. Он не может сердиться или браниться, он всех любит. Это же тебе Боженка нужен, ты моли его о благодати, о милости.

– А зачем мне его просить? У меня всё есть.

– Ты просто проси, чтобы он был с тобой, даже в грехе, и пусть строго накажет, если ты сотворил что-то нехорошее, но только чтобы не оставлял ни в радости ни в горе. Безразличие убивает всё живое.

Мать всегда разговаривала с пареньком, как с взрослым. Она взяла сына за руку и усадила рядом.

– Вот послушай. Давным-давно жил святой старец. Он молился и скорбел о грехах человеческих. Он недоумевал, почему же люди и в храм ходят, и Богу молятся, а живут так же плохо и греха не убывает. И воскликнул он тогда, обращаясь к Богу:

«Господи, неужели не внемлешь Ты нашим молитвам? Люди постоянно обращаются к Тебе, чтобы жить в мире и покаянии! Неужели суетна их молитва, и не слышны их голоса?»

И вот однажды с такими мыслями он погрузился в сон, и привиделось ему, как Ангел небесный, обняв крылом, поднял его высоко над землёй. И чем выше они поднимались, тем слабее становились звуки, доносившиеся с поверхности земли. Уже не раздавались человеческие голоса, шум, крики, песни и затих весь шум мирской, суетливой жизни. Лишь порой долетали прекрасные звуки далёкой лютни.

– Что это? – спросил старец.

– Это святые молитвы, – ответил Ангел, – только они слышатся здесь.

– Но отчего так слабо звучат они? Ведь сейчас весь народ молится в храме?

Ничего не ответил Анге, и горестным было его лицо.

– Ты хочешь знать? Смотри!

Далеко внизу виднелся прекрасный храм, внутри собралось много народа. На клиросе собрался большой хор. Священник в прекрасном облачении стоял в алтаре. Шла служба, но какая, понять оказалось невозможным, потому что не доносилось ни единого звука. На левом клиросе дьячок что-то читал быстро, шлёпая и перебирая губами, но его слова вверх не долетали. На амвон медленно вошёл громадного роста диакон, рукой прилизал свои пышные локоны, потом поднял орарь и широко открыл рот, но... ни звука! На клиросе регент раздавал ноты – хор готовился петь.

«Уж хор, наверное, услышу», – подумал старец. Регент ударил камертоном по колену, и дал знак начинать. Наблюдать было странно: регент махал руками, у басов от натуги покраснели шеи, альты вытягивались на носках, высоко поднимая головы, рты у всех были открыты, но пения не слышалось.

– Что же это такое? – ужаснулся старец и перевёл взгляд на молящихся.

Их много стояло в храме, разных возрастов и положений: старики и дети, крестьяне и из благородных, мужчины и женщины. Все шептали молитвы, крестились и кланялись, но вся церковь находилась в тишине!

– От чего так? – спросил изумлённый старец.

– Спустимся ниже, и ты поймёшь, – тихо сказал Ангел.

Они, никем не видимые опустились в храм. Впереди всех стоял парадно, богато одетый мужчина и в задумчивости смотрел на иконостас. Ангел коснулся его груди, и для старца сейчас же отворились его затаённые мысли:

«В моей власти уволить за неповиновение! Лишу всех званий и наград, чтобы не вставал у меня на пути!»

Недалеко находилась разнаряженная, красивая женщина и усердно молилась. И вдруг старец увидел её сердце и прочёл мысли.

«Ещё подругой называется! Напялила шляпку как у меня! И где только деньги берёт, ведь мужик забулдыга и гулёна знатный!»

Далее молодой парень комкал шапку в руках, и не молился вовсе, а всё косил направо, в сторону, где стояла кучка молодых женщин. Ангел притронулся к нему, и старец прочитал его сердце:

«Что если на свидание позову? Пойдёт или нет? У неё должность хорошая, денег много зарабатывает».

Так многих касался Ангел, и у всех были подобные мысли. Перед Богом стояли, но о Боге не мыслили, только делали вид, что молились.

– Теперь ты понимаешь? – спросил Ангел. – Такие молитвы не поднимаются вверх, от того кажется, что все немые.

Вдруг старец услышал где-то в углу тихий голосок:

– Господи, ты милостив и благ! Исцели маму мою от болезни! Спаси и помилуй нас!

В уголке, на коленях стоял маленький мальчик. В глазах его блеснули слёзы. Ангел коснулся маленького сердца, и они увидели скорбь и любовь.

– Вот какие молитвы слышны у нас! – сказал Ангел.

Такие притчи невероятно трогали душу маленького Эдика. Мама часто говорила о Боге, и даже однажды, когда были в городе зашли в огромную, красивую церковь. Потом она просила Эдика не рассказывать никому об этом, потому что мамочка работает в школе учительницей, а все учительницы должны быть атеистами. Мальчик совершенно не понимал про что толковала мать, но почему-то боялся того огромного дядьку с зычным голосом, лохматой бородой и в чёрном, длинном платье, который мазал его лоб ароматным маслом, брызгал водой и окунал в купель. На всякий случай Эдик не делился с товарищами об этой стороне жизни. Он вообще никогда не отличался болтливостью. Отец не приветствовал такой подход к воспитанию, но особенно не перечил, потому что сутками находился в обнимку с трактором, а зачастую, в свободное время отсыхал от похмелья. Но кроме этого у него всё-таки были увлечения- папа любил читать. Он пачками приносил из библиотеки годовую подписку журнала «Роман-газета», «Юность», обожал Вениамина Каверина, Мельникова-Печёрского и Вячеслава Шишкова. Однажды он взял маленького Эдика с собой, и тому очень понравилась атмосфера тишины, запаха старой бумаги и приветливая, седая библиотечка. Она усаживала его на старый, облезлый, кожаный диван с валиками вместо подлокотников и приносила книжки с картинками. Мальчик быстро научился читать и вскоре уже самостоятельно наведывался в читальный зал.

Эдуард Аркадьевич ещё какое-то время парил по волнам памяти. Ему почему-то совсем не хотелось возвращаться в унылую и даже страшную реальность. Он только вздрагивал ресницами, не решаясь открыть глаза, казалось, что солнечный свет ослепит его и приведёт к новой

боли. Эдуард медленно вспоминал события последних дней, тот момент, когда нашёл злосчастную карту, вмиг посеревшее лицо бывшей жены Светочки и ужас на лицах своих гостей. Он поймал себя на мысли, что дико боится, до дрожи в суставах и ему стало немного стыдно за свой страх. Страх не от осознания смерти бывшей жены, а от того, что на её месте мог бы быть он. Гульбанкин услышал, что кто-то вошёл в палату, и хотел было открыть глаза, но различил два голоса – мужской и женский.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.